

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

ТВАРИ

Евгений Шиков
Ярослав Землянухин
Максим Ахмадович Кабир
Виктор Глебов
Олег Сергеевич Савоцик
Оксана Ветловская
Елена Щетинина
Михаил Евгеньевич Павлов
Дмитрий Костюкевич
М. С. Парфенов

Самая страшная книга. ТВАРИ

Серия «Самая страшная книга»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68366792
Твари. Сборник рассказов: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-151186-9

Аннотация

ОСТОРОЖНО! Эта книга может тебя ЗАГРЫЗТЬ!

Эти истории кусаются. А еще – жалят, царапают, топчут, бодаются, клюют, рвут на части! Потому что это истории в жанре

зоохоррор и в центре каждой из них – смертельно опасные ТВАРИ.

ТВАРИ ползучие, летающие, роящиеся, порхающие. ТВАРИ ревушие, шипящие, рычащие и даже клокочущие! ТВАРИ рогатые, крылатые, клыкастые. И, наверное, самые страшные из всех— твари двуногие, которых еще называют homo sapiens.

Новые повести Максима Кабира и Евгения Шикова! Новые рассказы Оксаны Ветловской и Елены Щетининой! Новые истории Дмитрия Костюкевича, Виктора Глебова, Михаила Павлова и других авторов, уже хорошо знакомых читателям серии «Самая страшная книга».

О змеях и пчелах, об оленях и кабанах, о воронах и бабочках, о медведях-людоедах и собаках-призраках. И о созданиях совсем уж неведомых и экзотических.

Но главное – это антология о людях и для людей. Именно поэтому она называется «Самая страшная книга. ТВАРИ».

Содержание

Максим Кабир	6
Михаил Павлов	37
Олег Савоцик	76
Ярослав Землянухин	105
Конец ознакомительного фрагмента.	116

**Максим Кабир, Михаил
Павлов, Олег Савощик,
Ярослав Землянухин,
Оксана Ветловская,
Дмитрий Костюкевич,
Елена Щетинина, Евгений
Шиков, Виктор Глебов
Твари
*Сборник рассказов***

* * *

© Авторы, текст, 2022

© Парфенов М. С., Дмитрий Костюкевич, составление,
2022

© Валерий Петелин, обложка, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Максим Кабир

К вопросу зоохоррора

Когда мой друг, замечательный белорусский писатель Дима Костюкевич, предложил мне написать рассказ для антологии, посвященной животным, я услышал тихое, но настойчивое жужжание в той области мозга, что ответственна за фантазию. Жужжание отдалось приятным зудом в пальцы, я не знал, о чем будет моя история, но заранее определился с антагонистом.

Дима создал чат, в котором писатели, авторы ужасов, взрослые мужчины и женщины, сочиняющие тексты о призраках, вампирах и оборотнях, застолбили темы, чтобы животные не повторялись. Александр Матюхин выбрал рыбу, Александр Провоторов – собаку, Дима Тихонов – сов. «Беру пчел», – сообщил я, словно намеревался пасеку открывать. Мы шутили про такс и гусей. Авторы ужасов – те еще юмористы.

В текстовом документе шрифтом Times New Roman я написал слово «Жужжание». На том и застопорился.

Поясню. Зоохоррор – поджанр о столкновении людей с различным зверьем. «Челюсти», «Куджо», «Анаконда», такие штуки. Зоохоррор не предполагает мистику, а мистика всегда была для меня отличным подспорьем. В том смыс-

ле, что можно ничего не объяснять: некая кровожадная херня вылезла из болота (могилы, колодца etc) и ну давай бесноваться. У меня совсем немного рассказов без фантастических элементов: «За пределами котьей страны», «Ползущий» – вроде всё. Потому я стал думать об, условно говоря, реалистичной новелле, в которой персонажи, что твои винни-пухи, подвергнутся нападению «клада в надсемействе Apoidea летающих насекомых подотряда стебельчато-брюхие отряда перепончатокрылых» (скопировано из «Википедии»). Полагаю, любой апиолог (человек, изучающий пчел, – термин, подсмотренный в той же «Вики») поднял бы на смех задумку, но... к черту апиологов! Я даже набросал несколько предложений: герои уединяются на даче, но тут... Но тут я понял, что такую же локацию использовал Костюкевич в романе о муравьях-убийцах. Пчелы дразнились, никак не желая опылять цветы моего творчества. В течение нескольких месяцев я периодически открывал документ, имевший лишь название, и прислушивался, не зажужжат ли снова? Закинут в покетбук книги «Повесть о биологии пчелиной семьи» Евгения Васильева, «Пчелы и медицина» Наума Иойриша и «Уж-ж-жасные пчелы» Р. Л. Стайна. Я, без шуток, хотел, чтобы меня укусила пчела (в последний раз такое случалось лет двадцать назад, было больно), но за окнами падал снег, а сроки, отведенные Костюкевичем нам, дедлайнерам, истекали.

Обычно я использую какие-то моменты из личной практи-

ки или из биографии знакомых. Я был членом жюри поэтического конкурса, проходившего в задрипанном шахтерском городке, – так появились «Скелеты», дебютный роман. Родственники выселили товарища из квартиры – бытовой инцидент лег в основу «Мух» (в голове тогда тоже жужжало). Но выяснилось, что с пчелами я практически и не сталкивался, не считая нескольких жал, оставленных ими в моей плоти. На коктебельском литературном фестивале поэтессу Женю Чуприну, читавшую стихи, ужалила пчела, и ей пришлось вызывать скорую помощь: шея отекала. Такая себе история, но я готов был схватиться и за нее.

Файл, озаглавленный «Жужжание», мозолил очи. И почему я не выбрал кошек или акул? Почему доверился подлым насекомым?

Ладно, сказал я себе. Займусь читерством. Если я набил руку на мистике, то кто запретил мне включить в сюжет необъяснимые явления? Кэндимен, здоровяк с крюком, был ходячим ульем. Придумаю своего Кэндимена, или Кэндивумен, чтоб не обвинили в плагиате, делов-то! Чудотворцы Зосима и Савватий мне в помощь.

Приведу полностью черновой кусок, который я набросал за полчаса:

«– Папа, папа! – Растрепанная Тоня выбежала из пустой хаты, оглянулась в предрассветных сумерках, заметила движение на пасеке и кинулась через кусты смородины. – Папочка, я так испугалась!

– А чего ж бояться, глупая? – пожилой пасечник улыбнулся разбитыми губами. Левый глаз заплыл – били крепко, ногами. – Не сахарный ведь. До свадьбы заживет.

Взрослая дочь припала к отцовской груди. Легкие саднило – мчалась через все село сломя голову. На рамках в раскупоренном улье копошились пчелы, семья вентилировала леток. Отец отстранился, чтоб подкормить хозяйство сладкой водой из баклажки.

– Сколько их было?

– Двое.

– Зачем же ты открыл, глупый?

– Меда попросили. Как же путников медом вкусным не угостить?

– Что, добавки захотели? – Сердце Тони сжалось.

Пасека тихонько гудела.

– Видать, понравился мед сладкоежкам! Поколотили меня во дворе и пять литров с собой забрали.

– На машине?

– На мопедах. Да черт с ними...

– В смысле „черт“? Это же ограбление! С избиением! Отец беззаботно махнул рукой.

– Лучше скажи, как ты узнала? Пчелы нашептали?

Тоня медленно кивнула. Не в первый раз ей снились пчелы – желто-черное облако нависало над кроватью, над дремлющей женщиной, и чужие мысли жужжали в черепной коробке: „Газ проверь, воняет“... или „Матери позвони“... или как сегодня: „К отцу беги!“

Нелепица, конечно, откуда пчелам знать, что такое

„звонить“, что такое „газ“ – и впрямь поддувающий из трубы?

– Умницы мои. – Пасечник закрыл улей. Поманил дочь в дом. У красного угла она перекисью протираала его ссадины. Отец улыбался смиренно и глядел на старую потемневшую икону, изображавшую двух святых с лукошками в руках.

– Помнишь еще, кто это?

Тоня порылась в памяти.

– Зосима и Савватий.

– Верно. Соловецкие чудотворцы, заступники православных пчеловодов. Раньше на Руси совсем пчел не было, святые их из Египта принесли в тростниковой палочке.

Тоня вспомнила, как семнадцатого апреля, на день Зосимы, ребенком молилась пчелиному богу, как отец обмазывал ее медом и вместе они ели трупики пчел.

– Что случится с теми, кто тебя обокрал? – осторожно спросила она.

Улыбка отца из робкой превратилась в довольную, злую, и Тоне стало не по себе, словно жала вонзились в живот.

– Распухшие, – нараспев произнес отец. – Мертвые на дне оврага, под мопедами своими. Пчелки в рот залезали и кусали за языки. В глотки залезали. В желудки, в легкие, в анусы – и везде кусь делали.

Пасечник захохотал, захрюкал, засучил ногами. Ошарашенная Тоня ждала, пока минует припадок. Периферийным зрением уловила: кто-то смотрит

в окно, большой, пучеглазый, мохнатый. Но, обернувшись, увидела лишь облачко пчел в утренней дымке.

И перекрестилась, как папа учил, чтобы пальцы двигались по спирали, будто насекомые летали от плеча к плечу, ото лба к пупку.

Отец смеялся, скрипел зубами. Зосима и Савватий молчаливо взирали из угла, а по их суровым лицам ползали негромко жужжащие пчелы».

Не густо – скажете вы, и будете, несомненно, правы. Знаете, что мне нравится в этой безделице? Слово «анусы». Пчелы в прямой кишке, по-моему, это ух! А знаете, что мне не нравится? Все остальное. Я не понимал, как мне продолжить историю, и уже представлял, в какое неудобное положение поставлю Костюкевича: добрейшему Диме придется подбирать слова, чтобы тактично отказать мне в публикации.

Но нет худа без добра – по крайней мере, так я думал. Образ пчел, оккупировавших икону, явился ко мне из прошлого и щелкнул тумблером.

Забавная вещь – мозг. Я забыл фамилии одноклассников, но помню название фильма, который смотрел один раз – четверть века назад. «Ликвак». Черт знает, что это значит, – может, так звали персонажа. Я напряг извилины.

Фильм был русским. Он шел по ТВ в середине девяностых и изрядно меня напугал. Думаю, послевкусие, оставшееся на всю жизнь, помогло мне написать рассказ «Куры ножки»: там ребенок из девяностых боялся детской передачи.

«Ликвак» пугал не спецэффектами, не монстрами, выпрыгивающими на зрителя, а атмосферой безысходности, которая встречается сплошь и рядом в перестроенных фильмах. Лично мне хочется принять душ после нетленок «Кислородный голод» или «Камышовый рай». Думая о том фильме, я пришел к выводу, что он был не столько хоррором в духе малобюджетного трэша «Killer Bees» или «The Deadly Bees», сколько обыкновенной чернухой. Ни в одном списке отечественных ужасов мне не попадалась картина «Ликвак» (тут я снова подумал о феноменальном устройстве памяти, а еще засомневался, так ли звали фильм).

При слове «ликвак» на ум приходил режиссер Анатолий Литвак и легендарный харьковский сумасшедший, исписавший городские стены таинственными надписями «век – вак». В «Ликваке» были пчелы: меня, подростка, впечатлила и по-настоящему встревожила сцена, в которой полосатые насекомые заполнили избу, ползали по вещам, по иконам, по покойнице.

Тумблер снова щелкнул. Всплыл образ: гроб посреди комнаты, водруженный на стулья гроб, в нем девушка. Не сомневаюсь, оператор снимал долгим планом, а картинка рябила дефектами. Ни о какой динамике речи не шло – это, конечно, была статичная тягомотина.

Итак, зимой, полулежа в кресле, закинув на стол ноги, я думал о древнем российском фильме, а жужжание нарастало. Жужжало вдохновение. Окрыленный, я начал гуглить

(яндексить, раз уж на то пошло). Интернет сказал, я на верном пути.

«Ликвак, – прочел я, – традиционный норвежский танец мертвых. За день до захоронения гости заполняли дом покойника и выплясывали так, что домовина подпрыгивала. Обряд подразумевал непристойное поведение живых участников и нередко перерастал в оргию». Статью, аккуратно мною скопированную, иллюстрировал данс-макабрический набросок художника Николая Аструпа (был бы я не Кабиром, а каким-нибудь Ивановым, взял бы псевдоним Аструп). Художник, сообщалось, в детстве стал свидетелем ликвака. Я вспомнил, что в фильме действительно танцевали, и воспоминания заиграли новыми жутковатыми красками.

Школьник, то ли пяти-, то ли шестиклассник, смотрит, как в ящике актеры танцуют вокруг гроба, и отчаянно дрейфит.

Из всего прочитанного я мог бы состряпать занятный сюжетец, но где тут пчелы? Где, собственно, фильм?

Самое время посетить «Кинопоиск». «Ликвак» – я не ошибся с названием! – в базе был, но страничка выглядела скупо. Ни постера, ни описания, ни баллов, зато я узнал, что сняли его еще в СССР, в девяностом году, и режиссер Павел Матейшин ограничился одним проектом. Имена актеров мне ни о чем не говорили, единственной звездой был композитор Артем Артемьев, сын Эдуарда Артемьева (годом ранее он сочинил музыку для боевика «Фанат»).

Я приготовился к киносеансу, но переоценил всемогущество Интернета. «Ликвака» попросту не было в Сети. За тридцать лет никто не удосужился оцифровать пленку. Всеядный «ВКонтакте» смог предложить мне лишь уже знакомую картину Аструпа «The Corpse's Dance».

Вырисовывалась история про проклятый фильм, но Костюкевич не собирал антологии о проклятых фильмах.

Пока я рылся в Сети, наступил вечер, с работы вернулась жена, мы ужинали, смотрели голливудские комедии, в которых никто не танцевал вокруг гробов, поссорились, помирились и легли спать.

А утром я вскочил с полной уверенностью, что «Ликвак» даст мне ключ к будущему зоохоррору (к будущему зоохоррора даже). Мне бросили вызов. И я этот вызов принял. Я полез на IMDb.

Вот что нашел.

Ликвак (1990)

Likvak (original title)

1h 16min | Drama | TV Movie 1990

Director: Pavel Mateishin

Writers: Pavel Mateishin

Stars: Dennis Zaharenko, Nadejda Lin.

Plot Keywords: folklore, paganism

Country: Soviet Union

Language: Russian

Filming Locations: Odessa, Ukraine

Production Co: Tonis

Color: Color

На сайте отсутствовала афиша, но имелось аж два скриншота. Первый запечатлел голую барышню, может быть, Nadejdu Lin. Она тарасилась на меня глазами, полными то ли ужаса, то ли священного экстаза. У нее были маленькие груди с торчащими сосками и густые черные волосы на лобке. Вторая фотография привела в замешательство. Она изображала корову, закопанную в землю: наружу торчала часть спины и голова чуть выше уровня глаза. Тушу коровы покрывали пчелы, и это была квинтэссенция арт-хауса, что-то среднее между экзерсисами Линча и кадром из короткометражки, которая убивала персонажей «Звонка». Таких подробностей я не помнил, но смотрел ли я кино целиком или попал на середину, щелкая каналы? Бог весть.

Сохранив оба скриншота, я посетил страницы актеров. У всех без исключения «Ликвак» оказался единственным фильмом в картерах. Я решил, что Матейшин нанял непрофессионалов.

Сцепив замком пальцы, я крепко задумался. Надо сказать, я почти забыл о Диме Костюкевиче и антологии. Меня за-

нимал «Ликвак». Прекрасно понимая, что кино не стоит затраченных усилий, я зажегся идеей его найти. А заметка в отсканированном киножурнале подлила масла в огонь.

Рецензент писал: «Пасечник, мечтающий вывести особый сорт пчел, обращается к магии. Он приносит в жертву корову, и из коровьего рога (без шуток!) рождается пчелиная матка. Мед „особенных пчел“ по-особенному воздействует на людей. Они тянутся к смерти, ночуют на кладбищах, покупают гробы. Пристрастившаяся к меду соседка проникает на пасеку, но ее жалят пчелы. Решив, что девушка умерла, односельчане устраивают странные похороны с танцами. Героиня же приходит в себя в гробу, полном пчел.

Не ищите логику, ее нет. Дебютант Павел Матейшин снял алогичное, невнятное, попросту раздражающее кино. Здесь плохо все: актерская игра, операторская манера, работа осветителей (точнее, отсутствие таковой). Но хуже всего пафос, многозначительность, которой создатели лакировали эту неумелую поделку. Аллюзии на повесть Михаила Коцюбинского „Тени забытых предков“ (и одноименный шедевр Параджанова), цитаты из Вергилия... так и подмывает сказать Матейшину: либо раздобудь мыло, либо грязными руками великих не тронь!»

Негативная оценка критика лишь завела меня. Черт подери, я жаждал видеть это дерьмо! Я обратился за помощью к друзьям-киноманам, в том числе к завсегдатаям закрытого паблика, тихопомешанным гикам. И явно их возбудил.

«Ликвак», – бормотали они, выпростав руки на манер ромеровских зомби. В тот день слово «Ликвак» гуглилось по всему СНГ. Живущий у Черного моря фанат некрореализма известил с сожалением, что Одесская киностудия закрыта на карантин и разузнать что-либо про их детище сейчас невозможно.

За ужином я рассказал о расследовании жене. «Боже, какой же ерундой ты занимаешься», – удивилась она. Я страшно обиделся.

В понедельник я накатал письма в ряд архивов. Мол, такой-то фильм необходим для научной работы. В четверг получил ответ из российского Госфильмофонда.

«Здравствуйте, Максим Ахмадович. Мы можем предоставить вам цифровую копию картины „Ликвак“, но для этого необходимо разрешение от правообладателей».

Я ринулся на IMDb. Правообладателем значился украинский телеканал «Тонис»; в две тысячи семнадцатом он прекратил вещание, мутировав в канал «Прямой». Им я тоже отправил письмо. И уперся в тупик. Топ-менеджмент «Прямого» ответил, что «не володіє інформацією про проекти „Тонісу“ і нічим не може мені допомогти».

Я признал поражение. Я думал о том, как бы мне высосать из миниатюры о Зосиме и Савватии полноценный рассказ, а писатели вовсю слали Диме готовые тексты: в текстах кишели обезьяны, медведи, волки, лисы и прочая живность.

Только пчел там не было.

В феврале мне написал фанат некрореализма. Его звали (и зовут) Толик, и он мой самый старый знакомец в Сети – общались мы года с две тысячи девятого. Про кино общались, естественно.

«Короче. Сведений об актерах – ноль. Матейшин на том свете. Но я отрыл контакты оператора. Поеду к нему в субботу. Присоединишься?»

«Только мысленно!» – написал я. Покурил, вернулся за компьютер и отредактировал сообщение.

«Присоединюсь!»

Позвонил жене, жаловавшейся, что мы давно никуда не выбирались, и обрадовал новостью: выходные проведем в Одессе!

Мы выехали рано утром. Жена вела автомобиль, а я дремал на пассажирском сиденье. В ночь перед вояжем я отвлеченно спал. Бывают сновидения, запоминающиеся на всю жизнь. Кошмарнейшим моим кошмаром был давнишний сон про монашек, игравших в футбол младенцем. Я вставил его в рассказ «Причастие». Но сон, приснившийся накануне поездки, монашек переплюнул.

Я лежал в гробу, а вокруг водили хороводы какие-то люди. Они извивались и экстатически заламывали руки. Музыка младшего Артемьева не было, я слышал лишь топот ног по деревянному настилу и навязчивое жужжание. Я не мог пошевелиться, бессильно наблюдал за сатанинскими пляс-

ками. Лица танцующих покрывали маски из мягкого воска и проволоки. Пчелы ползали по мне, щекоча брюшками. Я проснулся в предрассветных сумерках с колотящимся сердцем и прильнул к жене.

В город Бабеля, Жванецкого, Ильфа и Петрова мы прибыли в полдень. Теплая и слякотная зима расщедрилась: температура упала до минус пяти, снег прихорошил улицы. Мы сняли гостиничный номер возле автовокзала и отправились гулять. Пообедали пищей, фотографировались у памятника Дюку де Ришелье и на Потемкинской лестнице, бродили по пляжу, любуясь морем, а окоченев, грелись в кафешках.

К вечеру разбежались. Аня упорхнула к одногруппнице-одесситке, а я – к Толику, которого ни разу не видел вживую. Толик оказался упитанным говнарем: морозоустойчивый, расхаживал в легкой косухе и бандане с черепами. У него были милые усики, я разглядывал их, пока мы болтали о режиссере Юфите и писателе Мамлееве. Я впечатлил Толика тем, что встречал старенького Мамлеева.

Мы пили крафтовое пиво в пабе; за панорамными окнами, на другой стороне улицы, снимали то ли сериал, то ли юмористическое шоу. Я узнал Валерия Чигляева, сыгравшего капитана Флинта в клипах из мультика «Остров сокровищ». После десятка дублей киношники свернули оборудование, а прохожие ринулись к Чигляеву за автографом. Оператор пересек проспект и вошел в паб; Толик помахал ему рукой.

Оператора звали Сергей. Тщедушный и угрюмый, он от-

казался от выпивки, не стал снимать пальто, всем видом демонстрируя, что спешит.

– Ну, помню, – буркнул он. – Ерунда редкостная. Матейшин этот в кино ни черта не смыслил. Набрал каких-то алкоголиков, на главную роль свою бабу взял. Снимали у него дома, за городом. Сценарий... ну что говорить, вы сами видели.

– Я не видел, – возразил Толик. Мы объяснили оператору, что ищем фильм или правообладателей.

– Ничем не помогу, – сказал Сергей. – Я «Ликвака» только на премьере смотрел, от стыда сторал. Публика в зале улюлюкала. Матейшин покончил с собой в девяносто вроде первом. Он странным малым был. Со странными идеями.

– Например? – взбодрился я.

– Ну, танец этот вокруг покойника – он намекал, что в его семье такой ритуал практиковали. Его предки, говорил, в Одессу из Скандинавии переселились до революции. Были известными пчеловодами. В сцене с похоронами он пчел выпустил – я в обмундировании снимал, как пасечник. Надька, баба его, вся в пчелах лежала.

– А как ее найти, не в курсе, Надю? Ее фамилия Лин?

– Нет, она псевдоним взяла. Артемида Черная. Я чего запомнил – пару лет назад делали передачу про гадалок. Гляжу, лицо знакомое у аферистки. Ба, Надька!

Мы поблагодарили Сергея, и он раскланялся. Толик полез в Интернет:

– А вот и телефон ее! – Он показал рекламу: «Предсказания будущего, тайны прошлого, индивидуальный подход. Артемида Черная, экстрасенс».

Набирая номер, я резко шлепнул себя по загривку ладонью. Показалось, на основании шеи сидит какое-то насекомое, щекочет кожу.

Прокуренный женский голос назвался нелепым и высокопарным псевдонимом. Я соврал, что пишу статью о Матейшине и разыскиваю фильм «Ликвак». Повисла пауза.

– Перезвоните в понедельник, – сказала Артемида, она же – Надежда Лин.

– Боюсь, я в Одессе проездом. Завтра отбываю.

Толик сложил пальцы баранкой.

– Хорошо, – сжалилась Артемида. – Приезжайте через час. Стоимость консультации – пятьсот гривен.

«Ого! – подумал я. – Жирно живут современные гадалки».

Артемида продиктовала адрес. Толик сказал, что сейчас на мели, но вызвался составить компанию. Я позвонил Ане: она веселилась с подругой, и я был вольной пташкой. Мы отправились к настоящей гадалке.

В такси я ослабил шарф, проверил, что там такое постороннее трогает мою шею, причиняя дискомфорт. Ничего не обнаружил и откинулся на сиденье, разглядывая проносящиеся дома.

Артемида жила вдали от туристических троп, в много-

квартирном здании с одним подъездом и консьержем – здание, как я догадался, было общагой. Болтая о кино, мы с Толликом поднялись на третий этаж. Вправо и влево от лифта уходили бесконечные коридоры. Лампочки давали минимум света, и вся эта полутьма, и все эти цветы, неряшливо намаленные на стенах, так и просились в мою прозу – правда, оставалось проблемой населить локации пчелами. Мы сунулись не в то крыло, вернулись к лифту и курилке, пошли мимо общей кухни с парой засаленных печей. Из-за обитого дерматином полотна доносились отзвуки блатняка: «Розы гибнут на газонах, а шпана – на красных зонах».

Спустя десяток дверей и десяток ветхих половиков мы добрались до нужной квартиры (тут вы можете проворчать, что, посетив такой чудесный город, как Одесса, вы вряд ли бы слонялись по неухоженным общагам, но я слонялся).

Дверь открыла очень худая короткостриженная женщина в атласном халате поверх свитера и джинсов. Хоть и с трудом, но я узнал девушку со скриншота на IMDb. Девушке было хорошо за пятьдесят, и она скорее напоминала кассира из АТБ, чем гадалку. Костистое лицо выражало подозрительность.

– Максим, – представился я. – Мой коллега – Анатолий.

– Деньги вперед, – сказала Артемида.

– Мы хотим спросить вас о фильме.

– Деньги вперед, – повторила она.

Скрепя сердце я вынул кошелек. Гадалка сразу подобре-

ла, впустила в квартиру и снабдила домашними тапочками, словно сделанными из картона. Мои лапы сорок шестого размера не втиснулись в обувь, и я пошлепал по ледяному линолеуму в носках.

Квартира пропахла табаком. Полумрак просочился сюда из подъезда. Окна были плотно зашторены, в трехрогой люстре горела сиротливая лампочка. Но в целом это была самая обыкновенная двушка, без черных кошек и магических шаров. Разочаровывающе обыкновенная: сервант, диван, телевизор, ворсистый ковер.

К запаху курева прибавился душок потных носков – его принес Толик. Мы уселись за стол.

– Вы застали меня врасплох, – призналась Артемида. – Я думала, никто не видел этот фильм.

– Я видел его по телевизору в девяностые.

– Понравился? – Артемида выгнула бровь.

– Необычная работа, – дипломатично сказал я.

– Критики фильм разгромили. – Гадалка сморщила нос презрительно. – Они не поняли идеи Павла.

– А какая была идея? – спросил Толик.

Артемида уставилась на моего компаньона, будто только что его заметила.

– Я просто не смотрел, – стушевался Толик.

– Это кино о смерти, – сказала Артемида. – О том, что разница между живым и мертвым не так велика, как нам кажется. И мы все рождаемся мертвыми. Не хотим верить, дви-

гаемся, суетимся. А осознав, ложимся в гроб.

– Это правда, – интервьюировал я хозяйку, – что Матейшин использовал реальные практики? Танец смерти, где вы лежите в гробу.

– Да. Так прощались с его отцом, с его дедом и прадедом. И на его похоронах мы плясали как чокнутые.

– Офигеть, – вставил Толик.

Я вспомнил свой сон и ощутил холодок внутри. А может, это мерзли мои ноги.

– Самоубийство Матейшина связано с провалом фильма? Теперь и я удостоился высокомерного взгляда. Исключительно противной теткой была урожденная Надежда Лин: надменная, холодная, как ее обитель.

– Вы знаете, что такое «душа»?

– Бессмертная субстанция? – предположил я.

– Павлик сравнивал душу с зародышем, умершим в животе матери. В момент нашего рождения душа начинает разлагаться, и постепенно распад охватывает все наше тело. Убить себя – значит перестать отворачиваться от истины.

– Это как у Летова, – сказал Толик. – Ищет дурачок мертвее себя.

– Один среди червивых стен, – задумчиво промолвила Артемида.

– Получается, – спросил я, – «Ликвак» – философский манифест?

– Что вы. – Впервые Артемида улыбнулась, и улыбка эта

не добавила ей очарования. – «Ликвак» – попытка зафиксировать на целлулоиде ту атмосферу, в которой мы жили.

– СССР?

– Нет, мы с ним. С Павликом.

«Веселенькая атмосфера», – хмыкнул я мысленно.

– Павел явил мне чудо, – выпренно заявила Артемида. – Указал путь, которым я двигаюсь до сих пор. Я предсказываю будущее, но никакого будущего нет. Я лгу, как и все теплокровные мертвецы. Заглядывая в человека, я вижу лишь гниль и опарышей.

«Милочка, – подумал я, – добро пожаловать в мой следующий рассказ».

– А что насчет пчел? – Мне не терпелось перейти к главному. – В сцене похорон были пчелы.

– Бычьи пчелы, – кивнула Артемида. – Слышали о них?

Мы ответили отрицательно. Ни в «Повести о биологии пчелиной семьи» Евгения Васильева, ни в «Пчелах и медицине» Наума Иойриша, ни в «Уж-ж-жасных пчелах» Р. Л. Стайна я не встречал такого словосочетания. Артемида смежила набрякшие веки.

– И сказал им: из ядушего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое. Эту загадку загадал библейский Самсон друзьям. Отгадка же в том, что Самсон убил льва, а через несколько дней обнаружил в трупе пчел и мед, которым он угостил родителей. Пчелы из тлена – это бычьи пчелы. Семья Матейшина делала их много веков подряд.

– Делала? – нахмурился я.

– Вот именно. Нужна дохлая корова, ее закапывают в землю в стоячем положении, так, чтобы наружу торчали рога. Через месяц рога спиливают, и из них вылупляются бычьи пчелы.

Толик закричал, а я пихнул его под столом. Не хватало, чтоб он своим скепсисом обломал мне такой сюжет.

– Бычьи пчелы, – продолжала Артемида, – психопомпы. Так называют проводников, которые сопровождают души в загробный мир. Но бычьи пчелы отслеживают мертвецов, прикидывающихся живыми. Они находят гнилое и селятся в душах. Утаскивают нас заживо в ничто.

Я прочистил горло, пошевелил озябшими пальцами ног:

– То есть в фильме Матейшин воспроизводит языческий ритуал?

Артемида встала, запахивая халат, прошествовала к серванту.

– Люди на съемочной площадке думали, это трюк. Но мы стали свидетелями чего-то потрясающего. Бычьи пчелы появились на наших глазах. – Артемида сняла с полки прозрачную пластиковую коробочку вроде мыльницы. – Я сохранила одну. Вот уже тридцать лет она напоминает мне о великой лжи – жизни, и великой правде гниения.

В коробочке лежала пчела. Крупная, размером с половину моего мизинца, цвета жженого сахара, без полос. Я видел усики и две пары темных крыльев, мощные мандибулы и

темно-коричневые фасеточные глаза. Протянув руку, я коснулся пальцами коробочки и отдернулся. Насекомое очнулось ото сна, расправило крылья, поползло по пластику.

– Оно живое, – Толик невольно процитировал доктора Франкенштейна.

– Погодите, – опешил я. – Пчелы живут четыре-пять месяцев. Но не тридцать лет.

– Нет никакой жизни, – проговорила Артемида тихо. И обвела нас пристальным взглядом. – Вы хотите посмотреть фильм?

За сеанс она запросила еще пять сотен. Аня прибила бы меня, узнай, на что я трачу кровно заработанные деньги. Толик прошипел на ухо, что обязательно возместит мне часть убытков. Я уединился в туалете – если слово «уединиться» применимо к каморке, кишашей прусаками. Брезгливо перетаптываясь, я звякнул жене и убедился, что она не скучает в компании подруги. Мы договорились встретиться в восемь на Дерибасовской.

Я думал о пчеле-долгожительнице, о психопомпах, в честь которых, вот так совпадение, нарек сборник новелл, и потирал руки. Гадалка, то ли выжившая из ума, то ли имитирующая сумасшествие форса ради; грязная одесская общага; пчела в коробке, невесть откуда взявшаяся среди зимы, – вот тот сор, из которого я слеплю зоохоррор для Костюкевича.

Ликуя, я вернулся к чудаковатым знакомцам. В стоимость сеанса входил коньяк: Артемида разливала его по захватан-

ным стаканам. Я вежливо отказался от алкоголя. Телевизор был уже включен, видеомагнитофон слопал кассету. В последний раз я слышал этот характерный звук лет пятнадцать назад. Кто сегодня смотрит фильмы на Ви-Эйч-Эс? Разве что экстрасенсы – в комнате не было ни компьютера, ни иных современных приборов, эта мебель, пыльный сервиз, прожженный ковер идеально смотрелись бы в сериале «Внутри Лапенко».

Я сел на стул. Артемида закурила тонкую сигарету. Я же решил не утолять никотиновый голод – уровень кислорода в комнате и так стремился к нулю. Я посмотрел на гадалку, на прихлебывающего коньяк Толика, и уставился в экран.

«Ликвак» никогда не выпускался в прокат. Артемида записала телеэфир, возможно, тот же, что подарил мне незабываемые ощущения в девяносто пятом или шестом. В правом верхнем углу маячил значок давно не существующего канала, а качество пленки было ужасным. «Ожоги» и черточки шли бонусом к атмосфере беспримесного уныния. В своем рассказе я, конечно, превращу загадочное кино в ужастик про дьявольских пчел. Но «Ликвак» находился вне жанровых категорий. Это было кошмарное (и, в теории, культовое) кино, которое давало фору всем кошмарным фильмам, мной просмотренным: «Вазе», «Ста двадцати дням Содома», «Подопытным свинкам», «Посетителю Q», опусам Фреда Фогеля и Йорга Буттгерайта. Чернуха в вакууме, «Ликвак» предлагал зрителю аморфную историю безымян-

ного пасечника. Как и прочие персонажи, пасечник напоминал сомнамбулу, а оператор Сергей любил тыкаться камерой прямо в его одутловатую морду с отпечатком вырождения. Пасечник ел мед и говорил на пчелином языке, то бишь издавал раздражающее жужжание. Убийство коровы произошло за кадром, но туша, которую он закапывал, была настоящей, она по-настоящему сгнила в следующей сцене. И после стольких хорроров я отвел взгляд от экрана. Ладно человеческие трупы, но глазеть на позеленевшую, разлагающуюся корову для меня, вегетарианца, было чересчур.

Потом пасечник вооружился лобзиком, и из спиленного рога полезли коричневые пчелы. Надо отдать должное, фокус режиссеру удался. Без понятия, как он их туда без графики запихнул.

«Как-как! Они рождаются в падали, сказано же!»

Я придумал способ самоубийства: режиссер в моем рассказе перережет глотку осколками разбитой банки из-под меда.

На экране возникла Артемида, Надежда Лин. В молодости она была ничего, но я никак не мог определиться, хорошая она актриса или плохая. Порой она казалась манекеном, умеющим лишь пучить глаза, но порой отмороженная манера игры и лютый взгляд фанатички били в цель. Где-то на сороковой минуте мне захотелось сигануть в окно. Монотонность «Ликвака» граничила с садизмом. От жесткого стула ныли ягодичы. Затхлый воздух и полумрак вводили в транс.

Оборачиваясь, я видел озаренные всполохами лица: вялое, осоловевшее – Толика, хищное и птичье – Артемиды. Почти все время мы молчали, лишь однажды, когда голая Надежда Лин вышла из бани, Толик сказал:

– Ты красивая.

Ничего более неуместного я и вообразить не мог, но Артемида хмыкнула у меня за спиной. Нагота актрисы возбудила бы разве что некрофила. В этом чертовом фильме все былодохлым, бледным и смрадным, в том числе ее эрегированные соски и треугольник волос меж ног.

Ближе к часовой отметке появились маски. Несправедливо, что они не попали в золотой фонд стремного российского кино, потеснив фотографию мужика из «Прикосновения». Пчелиный воск держался на проволочном каркасе. Проволока выпирала наподобие собачьего намордника. Я поерзал. Долгие годы маски хранились в дальнем уголке памяти, а вчера просочились в ночной кошмар. Все верно, эта сцена мне и снилась: оператор снимал из гроба, с точки зрения покойницы, собравшиеся танцевали вокруг, но музыки не было. Был топот, было жужжание, были учащенные удары моего сердца.

Бычьи пчелы ползали по иконам. По белому лицу Надежды Лин. По мягким маскам плясунов. Будто у меня за пазухой ползали. Сумею ли я верно передать весь ужас, сконцентрированный в ритуальном танце, всю эту российскую хтонь, почерканную зигзагами дефектов? Закопанная корова, до-

мовина, трупный мед?

Я размял затекшие пальцы, поглядел на руку. Ее покрывал толстый слой жужжащих коричневых пчел. Сотни крылышек трепыхались. Сотни жал одновременно впились в мою кожу. Я замычал и проснулся, едва не сверзившись со стула. Синий экран мерцал. Я вырубился перед телевизором и спросонья не мог сообразить, видел ли пляски с покойницей в фильме или во сне.

Гостиная опустела. Я растерянно заозирался. Я чувствовал себя подавленным, как после вечеринки, на которой напился и опозорился. В квартире было холодно, но одежда пропиталась потом. В поле зрения попала прозрачная коробочка на столе. Пчела исчезла. Но мне было не до пчел.

Часы показывали девятнадцать сорок. Через двадцать минут я должен оказаться в центре. Кликнув на ярлычок «Убера», я пошел к межкомнатным дверям, приоткрыл их. И, как сам я пишу в таких случаях, онемел-окаменел-одеревенел.

Толик трахал гадалку. В тусклом свете лампы я видел складки на его спине, дряблую задницу, татуировку между лопаток: синюю мышку-бурозубку.

И все это выглядело так омерзительно и так бредово, что я на миг завис, и, уверен, со стороны напоминал персонажа какой-то фривольной викторианской гравюры, Peeping Tom. Сочини бы я рассказ, в нем стоящая на четвереньках Артемида обязательно повернула бы голову и вперилась в меня фасеточным глазом пчелы. Но на деле я вообще не видел за-

слоненную дородным мужским телом любовницу, лишь хромая логика подсказывала, что раз Толик кого-то сношает, то этот «кто-то», к гадалке не ходи, Артемида.

Я попятился и тихонько покинул голубков. Аня задубела, ожидая меня у памятника де Рибасу. Я не стал ей рассказывать о своих приключениях, она бы восприняла превратно походы к престарелым женщинам легкого поведения.

Мы провели сносный вечер, я смеялся как ни в чем не бывало и почти не думал о пчелах, занимаясь любовью в гостиничном номере.

Утром мы встретились с Аниной подружкой, и она спросила, что бы мы хотели посмотреть. Меня интересовал Преображенский парк: согласно Интернету, это была Мекка одесских привидений. Подружка заморгала озадаченно, Аня кивнула, мол, он у меня блаженный, и мы поехали в район Привоза.

По дорожкам трусили бегуны, собачники вяло плелись за питомцами. Я сказал воодушевленно:

– Под нами – четыре некрополя. Христианское, еврейское, караимское и магометанское кладбища! Аллеи проложили поверх могил!

– Зачем ты пишешь такие гадости? – спросила Анина подружка без тени улыбки. Я же стойко улыбался, выслушивая критику. – Это ужасно. Крови и убийств предостаточно в реальной жизни.

– Хоррор, – сказал я, – не обязательно про кровь и убий-

ства.

– Ужасно, – повторила подружка, отворачиваясь.

Девушки ускорили шаг, отрываясь от меня, болтая о своем. Я брел, горделиво одинокий, как Басиллашвили за собутельниками в «Осеннем марафоне». Увидел среди деревьев необычную карусель: высокие фигурки двигались по кругу в оглушительной тишине морозного дня. Я сошел с асфальта, чтобы сфотографировать их, но никакой карусели там не было, плохое зрение и полумрак в зарослях обманули меня.

Я почесал основание шеи, сгоняя мнимую мошку, и заторопился. Девушки говорили о детях, которых пора рожать.

Остаток уикенда омрачили досадные подозрения. За обедом выяснилось, что я утратил вкус и обоняние. Пришлось менять планы. Аня волновалась, гоня автомобиль по трассе. И хотя у меня ничего не болело и температура была нормальной, я чувствовал себя сломанным. На заправке мне померещилось, что за нами наблюдает притаившийся в тени тополей человек и что бесформенное лицо его – маска из воска и проволоки.

Дома мы сдали тест на ковид; он дал негативные результаты. Мы оба были здоровы, но предприняли все необходимые меры. Вкус вернулся, однако еда теперь не вызывала у меня никакого энтузиазма, все, что я ел, отдавало тухлятиной.

Пчелу я увидел во время бритья. Типичная бу-сцена, настолько заезженная, что я не стал бы включать ее в текст – если бы она не случилась в чертовой реальности. Персонаж

смотрит в зеркало, наклоняется, чтобы умыться, смотрит в зеркало вновь, а там!..

Там была коричневая пчела, она выползла из моей ноздри и устремилась вверх по влажной коже. Я завопил. Вбежала жена. Надо ли говорить, что пчела исчезла, а Аня усомнилась в словах благоверного?

Вы правы, я слишком много говорю о собственном творчестве, но в рассказе «И наступила» (о, сколь ничтожны все мои рассказы!) я описал женщину, не верящую, что с ее супругом происходят чудовищные физические перемены. Я напророчил: Аня стала такой женщиной.

Прошел месяц с тех пор, как я увидел в зеркале пчелу. Вы знаете, какие процессы происходят за месяц в переставшем дышать человеке? Испарения тканевой влаги. Помутнение роговицы. Пятна Лярше. Крошечные сухие чешуйки на кайме губ и головке пениса. Трупное окоченение. Натёки. Полный комплект.

Внешне я остался прежним, разве что сильно похудел. Но внутри... там, где пчелы Матейшина свили гнездо... там смрад. Да, пчела, подселившаяся в мою бедную душу, дала потомство, порой ее детва выползает, незримая для всех остальных, уносит меня по кусочку и жалит ежесекундно. Я слушаю, как бьется сердце. Меряю пульс. Щиплю себя, выдираю волосы с луковицами, растягиваю татуированную кожу, эту гнусную шкуру, под которой красное мясо, вонючие кишки и белые кости. Как изгой Лавкрафта, увидевший в

амальгаме монстра, я ужасаюсь, разглядывая уродливое лицо, которое носил столько безоблачных лет.

Мне снятся люди в масках, они пришли, чтобы танцевать славный танец ликвак, людям в масках и бычьим пчелам вѣдома истина. Не знаю, почему они выбрали меня и была ли Артемида ходячим трупом, но мир с его приземленными удовольствиями мне больше не принадлежит. Если бы я писал рассказ, то бы придумал причины, но я не собираюсь ничего писать.

Толик оцифровал видеокассету и выложил фильм в Сеть. Пересматривая его снова и снова, я будто смиряюсь с распадом. С пчелами смерти. Есть такая разновидность пчел: Vulture Bee, они питаются мертвой плотью. Я стал вместилищем насекомых, питающихся мертвыми душами, и Гоголь тут ни при чем. Об этих тварях знал еще Вергилий.

Жена была слепа. Требовала, чтобы я обратился к психологу. К психиатру. Подмешивала таблетки в еду. Я колотил кулаками в стены и кричал на нее – кричал от беспримерного уныния и тоски – соседи однажды вызвали полицию. Сегодня жена собрала вещи и съехала к родителям. Я ее не виню. Сложно жить под одной крышей с трупом, даже с трупом любимого человека.

Я зашторил окна и лежу на кровати, внимая жужжанию. Плясуны таятся в углах, готовые приступить к обязанностям. Им так не терпится танцевать!

Дмитрий Костюкевич собирает антологию зоохоррора. Я

пошлю ему рассказ, состоящий из одного предлож-жения.

Дима, Дима, бычьи пчелы ползают по моим глазам.

Михаил Павлов

Маралы продолжали реветь

Началось все с того, что Гриша подъехал к дому с телом оленя на капоте «Нивы». Ольга подходила к машине медленно, с опаской, хотя понятно было, что животное уже отмучилось. Пасть, показавшаяся беззубой, была разинута в немом реве. Ноги выглядели переломанными, одна свисала, почти отрубленная. Густая малиновая кровь сползала по радиаторной решетке, капала с бампера. Прикоснуться к телу Ольга не решилась, остановилась в метре от машины и ближе не подошла. Ее пугали рога, разлапистые, остроконечные, в них, несмотря ни на что, ощущалась угроза.

Гриша заглушил мотор и выбрался наружу. Что-то сказал, но слова выхватил и утащил порыв ветра. Ольга поежилась и обхватила себя руками, сообразив, что выскочила из дома налегке. Она вопросительно поглядела на Гришу, тот не заметил. Он уже достал нож и резал веревку, которая удерживала оленя на капоте.

– Бросился прям под колеса, – наконец расслышала Ольга.

Туша съехала по металлу и бухнулась на землю. Гриша тяжело дышал. Видно было, что тоже нервничает. Прежде чем убрать нож в ножны, тщательно вытер и без того чистое широкое лезвие. Поглядел на Ольгу широко распахнутыми

ошарашенными глазами:

– Бросился сам. Под колеса. – Помолчал, жуя губы, затерявшись где-то в глубине густой каштановой бороды, а потом отвернулся и добавил: – Может, не заметил меня. Может, сам смерти искал. Природа.

Не зная, что делать, как подступиться к телу, они еще несколько минут простояли на ветру. Наконец Гриша сочувственно глянул на жену и улыбнулся:

– Ты иди, не мерзни. Я уж сам тут как-нибудь.

Ольга помялась и пошла к калитке, оставив мужа наедине с трупом оленя на каменистой земле. Черные круглые глаза на искаженной морде оставались открытыми.

Вечером, накинув куртку, с кружкой чая в руках и сигаретой за ухом, Ольга вышла на крыльцо. Небо было огромным, почти чистым, с рассеянными растертыми мучными щепотками перистых облаков. Серо-синие сумерки на востоке тянулись вверх, огибали земной шар, светлели, наливаясь нежной голубизной, и таяли в розовом дыму заката. На юге выпирал изломанный хребет Хамар-Дабан, белели заснеженные вершины. Сквозь аквамарин небосвода проглядывал призрачный месяц. Осенний ветер гулял по огороженному пустынному участку вокруг дома.

Издалека донесся вой, тонкий, тоскливый, оборвавшийся неожиданным переливом, будто кто-то учился игре на саксофоне. Вскоре на вой ответили, еще дальше и глуше, с той

же тоской и странным перебором нот. Ольга отпила чай и закурила. Пару лет назад она обещала бросить, когда забеременеет, но пока повода не было. Взгляд Ольги задумчиво скользил по горизонту. Там, у подножия гор, раскинулись густые хвойные леса, а повыше – просторные альпийские луга с клочьями кедрового стланика. И вот там сейчас переключаются эти странные, как будто несчастные создания. Ольга вслушивалась в нестройное причудливое многоголосье, которое хорошо запомнила еще по прошлой осени, и как могла старалась не замечать шум, долетающий порой из-за дома. Туда, к сараю с инструментами, Гриша оттащил оленя, чтобы ничего не запачкать. Слышались охи, короткий мат, глухие удары топора. Может, стоило пойти и помочь? Ольга никак не могла решиться. Курила и слушала тревожные саксофоны в сумерках.

Понурился плечи, усталый, подобрел Гриша и тяжело облокотился о крыльцо. С ладоней капала вода – уже умылся. Ольга затянулась в последний раз и поспешно затушила сигарету. Вдали снова завывали.

– Маралы режут, – улыбнувшись уголком рта, прокомментировал Гриша. – Гон идет.

Вот так же он говорил в прошлом году. И в позапрошлом, в их первую осень здесь. Ольга кивнула, накрыла его холодную мокрую ладонь своей теплой.

– Хочешь чаю?

Он взглянул на нее с благодарностью, кивнул и улыбнулся

чуть шире.

Ужинали они очень поздно, незадолго до полуночи. Бóльшую часть своей порции Ольга оставила на тарелке – кусок не лез в горло. От пористого нежного сладковатого мяса, напоминавшего печенку, тянуло блевать. А вот Гриша старательно уминал все, что было. То ли и впрямь проголодался, то ли чтоб хотя бы это не пропадало. Он уже рассказал, что мясо в основном придется выбросить, в холодильнике нет для него места. Кажется, он хотел поскорее избавиться от всего, что напоминало о произошедшем, и Ольга его вполне понимала. Только спросила, нельзя ли пристроить мясо куда-то в городе, подарить, кто-то ведь сейчас голодает.

– Хрен его знает, – ответил Гриша. – Еще оштрафуют.

В ту ночь, лежа рядом с мужем, Ольга долго не могла уснуть. Ее продолжало мутить.

Следующий день выдался пасмурным. Дождя не было, но и солнце едва показывалось. Ольга копалась в земле, воюя с бесконечными щупальцами хвоща и камнями. Любопытная синица желто-серым комочком скакала среди вывернутой наизнанку почвы, выискивая, чем бы поживиться. С забора наблюдала бурая в крапинку кедровка. Хотелось покурить, но Ольга старалась держаться, только отходила попить воды. В пыли на протоптанных дорожках среди следов от ее кед и Гришиных ботинок угадывались отпечатки когтистых

лапок – похоже, ночью забредал заяц. Близость леса, пусть и едва видимого отсюда, часто давала о себе знать.

– Оль, привет.

Не узнав поначалу голос, Ольга вздрогнула и оглянулась. У калитки стоял Климов в желтой куртке. Инспектор Росприроднадзора и волонтер поисково-спасательной службы, он жил неподалеку и время от времени обходил соседей – удостовериться, что все живы-здоровы. С Гришей они немного дружили.

– Испугал, что ли?

– Немножко. – Ольга подошла ближе. – Как дела?

– Потихоньку, Оль. – Климов положил руки на калитку. – А у вас как? Как Гришка? Дома?

Почему-то захотелось соврать. Только один черт, «Нива», припаркованная у забора, сдавала с потрохами. Ольга оглянулась в сторону дома и протянула неуверенно:

– Да, отсыпается, наверное.

Муж и вправду еще не показывался.

– Ну ладно, передай, что я хотел кое-что спросить у него. – Климов усмехнулся. – Не знаешь, он лицензию охотничью оформлять не хочет?

– Не знаю. – Ольге стало не по себе.

– Ружье-то есть. Зверь тоже.

– Зверь?

– Да, изюбрь, кабарга. Маралы расплодились. Этим дай волю, они всё под ногами выедят как саранча. Надо контро-

лировать.

Вспомнилась искривленная, будто ревущая, оленья морда. Переломанные ноги. Вязкая кровь.

– Все нормально?

– В смысле? – Ольга растерянно уставилась на Климова.

– Да ты побелела вдруг. Показалось, сейчас сблеванешь.

– Не, нормально все. – Она выдавила улыбку.

– Точно? Ну ты давай, береги себя, если что. – Климов глядел на нее встревоженно и как будто изучающе. – Потопал я. Гришке привет.

Когда он удалился, на пороге дома показался Гриша, молча поглядел вслед и вновь скрылся.

Следующие несколько дней прошли спокойно. Напряжение, копившееся в Грише, похоже, ушло. Ольга, чутко прислушивавшаяся к настроению мужа, к его шагам, к его молчанию, тоже смогла наконец выдохнуть. В будни Гриша работал в городе, в своей маленькой строительной фирме, которая как раз потихоньку выползала на самоокупаемость, а вечера они проводили вместе за чаем или бокалом белого сухого и сериалами.

В субботу решили съездить в лес, набрать валежника для печки. Гриша пошелестел брезентом, подготовил багажник и заднее сиденье, принес из сарая электропилу. Ольга покидала в сумку бутылки с водой и перчатки. Хлопнули дверцы, «Нива» заворчала мотором и тронулась в путь.

Надвинулся зеленый бор, раздался вширь и впустил в себя. Кроны сосен нависали по сторонам. Дорога была довольно ровной, но недостаточно широкой, чтобы по-настоящему рассечь толщу леса – машина будто в одну из пор на его теле нырнула. Лежины хватало, забираться вглубь не было особого смысла, но «Нива» ползла и ползла вперед. Проводив взглядом большое поваленное дерево неподалеку, Ольга подала голос:

– Там хорошее место было.

– А? – Погруженный в свои мысли, Гриша не сразу ее понял. – Впереди еще будет.

Он стал внимательнее вглядываться в пейзаж, правда, как казалось Ольге, уделяя все внимание лишь правой стороне. Джип сбросил скорость – Гриша слегка перегнулся через руль, высматривая что-то через лобовое стекло, – и остановился. Ничего не объясняя, он выбрался наружу и обошел машину спереди. Ольге пришлось последовать за супругом. Тот стоял у правой фары, уставившись в сторону леса. Кинул косой взгляд на жену и потупился.

– Тут это случилось. – Он помолчал и добавил: – Ну, с маралом.

Ольга опустила глаза в поисках следов столкновения, понимая, что совсем не хочет их находить. К счастью, и не нашла. Гриша снова пялился куда-то вдаль. Приоткрыл было рот, словно собрался что-то сказать, но не стал, а просто сошел с дороги и двинулся к деревьям. Ольга постояла нахму-

рившись – делать было нечего – и пошла следом. Под подошвами высоких кед хрустели стелющиеся по земле жухлые кустарнички брусники. Стройные сосны перемежались размашистым сибирским кедром. В вышине среди просачивающихся солнечных лучей чирикали невидимые птицы.

Остановившись у поросшего мхом пня метрах в двадцати или двадцати пяти от дороги, Гриша что-то рассматривал у себя под ногами. Ольга приближалась медленно, ей отчего-то стало не по себе. Муж, казалось, позабыл о ней. Но вот в глубине сосняка щелкнула ветка, послышалась мягкая шелестящая поступь, и они оба одновременно повернулись на звук. Метрах в десяти от пня застыл красивый олень с выпуклыми черными глазами и светлой коричневато-серой шерстью. Алтайский марал. Одна из местных гордостей. Так близко видеть их Ольге до сих пор не приходилось. В смысле, живых.

Самец, довольно молодой, худощавый, сделал пару шагов навстречу людям. Потоптался на месте и прошел еще немного. Ольга все ждала, когда он испугается и даст стрекача. Но марал подступал все ближе, низко кивая головой, выставляя впереди себя вилы рогов. Им только предстояло спустя несколько сезонов разрастись, превратившись в раскидистую корону, но и эти скромные костные наросты в виде четырех изогнутых шипов выглядели вблизи достаточно угрожающе. Сообразив, что олень настроен недружелюбно, Гриша стал пятиться.

– Тихо-тихо, – зашептал он.

Ольга замерла, не зная, что делать. Марал продолжал неуверенно наступать. Может быть, он просто хотел прогнать незваных гостей? Гриша украдкой повернулся к Ольге и успокоительно поднял ладонь:

– Не бойся.

Грянул топот копыт. Мимо собрата проскакал еще один олень и, склонив голову, врезался в Гришу. Удар пришелся в бедро, Гриша охнул и упал в траву. Стискивая зубы, попытался подняться, но рогач, неистово мотая башкой, подцепил его за ногу и снова повалил. Ольга закричала что-то, сама не разбирая слов, и бросилась к мужу. Тот пыхтел и старался вырваться, пока марал таскал его по земле. Второй скакал рядом, норовя ткнуть рогами в лицо. Ольга подлетела к первому и что было дури пнула по ребрам. Потом добавила еще. Животное от пинков отступало боком и крутилось, волоча за собой Гришу – рваная штанина джинсов прочно зацепилась за рога.

– Щас, щас... – бормотал натужно Гриша. Ольга заметила в его руке нож.

Олень взбрыкнул, вскинув мощную шею с темной гривой, отчего Гришу тряхнуло и ударило оземь. Сквозь перестук копыт и шумное звериное дыхание Ольга слышала стоны и хрипы. Все закружилось, она почти не видела мужа – только оленьи ноги и бока. Гриша заорал.

– Господи... – шепнула Ольга и рванула вперед, растал-

кивая взбесившихся животных. Гриша выскочил навстречу, окровавленный, с горящими глазами.

– Давай, давай, давай! – Он потащил ее за собой. Ольга побежала бы, да Гриша хромал и мог только быстро идти.

Маралы гневно всхрапывали где-то за спиной. Ольга так и ощущала, как рог вонзается ей под ребра. Гриша тихо матерился и все время оглядывался. Левая нога у него кровоточила, штанина была в лоскуты, причем большого куска не хватало. Похоже, он смог то ли отрезать его, то ли оторвать, чтобы освободиться. До машины оставалось метров десять. Ольга поглядела вперед, затем через плечо на танцующих позади молодых рогачей. Кажется, и впрямь появился шанс вырваться. Взор Ольги мотнулся по сосняку и остановился. Впереди чуть в стороне стоял третий олень. Выше остальных, но с тонкой шеей и без рогов. Самка. Что было в ее больших карих, с горизонтальными зрачками глазах? Ольга прохромала с мужем мимо, не сводя глаз с неподвижной ланки.

Спустя несколько минут они оказались в салоне «Нивы». Хлопнули дверцы, щелкнули замки. Ольга думала, что машина сразу рванет прочь, но Гриша сидел на водительском месте и пялился прямо перед собой. Его лицо нервно подергивалось, дыхание было частым, прерывистым.

– Ты как? – спросила Ольга.

Покосившись на нее, Гриша показал алую от крови руку.

– Боже! – охнула Ольга.

– Не, – Гриша ответил негромко. – Это я его зацепил. По морде.

Он держал ладонь так, будто хотел сберечь в ней немного этой остывшей загустевшей жижи. Несколько секунд прошло в молчании. Он указал на бардачок:

– Подай салфетки, пожалуйста.

А потом выудил нож и стал оттирать лезвие. Рукоятка, конечно, осталась заляпанной, поэтому он взялся очищать руки и вдруг рассмеялся.

– Охренеть, да? – Гриша с улыбкой повернулся к жене. – Ты вообще... ты могла такое представить?

Наконец автомобиль тронулся. Ольга оглянулась, но никого сквозь заднее стекло не увидела.

Вернувшись домой, они открыли бутылку «Мерло», чтобы успокоить нервы. Ольга забралась в кресло с ногами и отпивала из бокала по глоточку, будто вино было горячим. Время от времени она морщилась или усмехалась, невпопад отвечая на реплики мужа, но в основном просто тарасилась куда-нибудь по-птичьи, широко распахнув глаза. Гриша, наоборот, пребывал в возбуждении, кружил по всем двум комнатам дома, болтал о случившемся, о том, как едва не наложил в штаны, схватившись с оленем, и гулко хохотал над собственными шутками.

– Понимаешь, это же неестественно все! Как они себя вели! Это не похоже на маралов. Мне просто не поверит никто,

если расскажу!

– А ты расскажешь?

– Не знаю. Ну да, наверное.

– Надо рассказать. Они же опасные.

– Ты не понимаешь! – Гриша снова возбуждался. – Вспомни, какие они были! Как нападали! Господи!..

В конце концов ему стало тесно, и, подхватив ополовиненную бутылку, он выскочил на улицу. Ольга повернулась к окну. Гриша шагал к своему сараю.

Этот сарай с инструментами появился почти сразу, как только они, молодожены, пусть уже не слишком молодые, переехали сюда. Гриша хотел построить просторный дом взамен хибарки, оставшейся от прежних хозяев. Разбить сад. Ну и чтоб дети бегали среди всего этого благолепия. Было странно и почти безумно сорваться сюда, в горы, такие далекие от привычного движения, скорости жизни мегаполисов, к которым они оба привыкли. Но Гриша, живописуя свои мечты, был так убежден и так убедителен, что Ольга тоже поверила.

К вечеру Ольга понемногу ожила, а Гриша, вернувшись в дом, поуспокоился. Скромно поужинав, они откупорили еще одну бутылку красного. Гриша с увлечением разглагольствовал о местной фауне, все больше о бурых медведях и лисах, потом о рябчиках и глухарях, но в итоге вернулся к алтайским маралам. Ольга поняла, что захмелела.

– Знаешь, их же разводят даже, фермы есть. Не знаю, как

за бугром, а у нас немало, на том же Алтае и в Свердловской области.

– А зачем? – Ольга слушала уже вполуха, хотелось прилечь.

– Ради пантов. Это молодые рога, мягкие еще, пушистые. Срезаешь их, а внутри кровь. Кучу всяких бальзамов и БАДов из нее делают, даже лечебные ванны на крови принимают.

– И что, это от чего-то помогает?

– Не знаю. – Гриша усмехнулся. – Вряд ли. Но знаешь, так уж повелось...

На несколько секунд он замолчал, то ли задумавшись, то ли прислушиваясь к чему.

– Кажется, сегодня не ревели, – проговорил он. – Странно, самое начало гона. Знаешь, зачем они режут? Это такая битва у них среди самцов – кто кого переорет. А на крайняк рога есть. По-моему, это красиво, знаешь...

– Знаю, – негромко с улыбкой сказала Ольга. – Ты мне много раз рассказывал.

– Весь год во главе стада стоит самка, детки за ней ходят, и только осенью вот это вот что-то заставляет самцов сходиться с ума и реветь что есть сил! Они так заявляют о себе, о том, кто они есть! Потому что это природа – вот она такая, так устроено у нее! – Гриша разгорячился и активно жестикулировал. – Этот рев, этот гон!.. И когда самцы между собой разберутся уже, самые сильные могут собрать гарем из

самок и...

Гриша расплескал вино. Ольга хихикнула, наблюдая, как он суетится в поисках тряпки. На секунду показалось, будто стекающая по его руке красная жидкость слишком уж густая, слишком вязкая. Улыбка на Ольгином лице притухла, а вот Гриша скалился во все зубы, блестя пьяными глазами, и по очереди обсасывал пальцы.

Они не занимались сексом уже пару недель, но в эту ночь Гриша накинулся на нее, только они забрались в постель. Потом они лежали, потные, в темноте. Ольга не шевелилась, ощущая, как теплое липкое семя стекает по ягодицам. Гриша раскинул руки и долго пытался отдышаться. Понемногу его дыхание становилось все более тихим, все более поверхностным. Прежде чем провалиться в сон, он сказал:

– Знаешь, хочу лицензию на охоту получить.

Ольга дремала, и смысл сказанного прошел мимо нее. Нужно ли тут что-то отвечать? Она не понимала, что чувствует. Она устала, была немного пьяна и хотела спать.

За занавесками серело утро. Ольга проснулась слишком рано, можно было еще подремать часик-другой, но полный мочевого пузыря гнал из уютной постели. Оставив Гришу глухо сопеть в подушку, она кое-как оделась и пошлепала на кухню. Почему-то ныли икры и голову приходилось нести осторожно, чтобы ничего там не рассыпалось. Глотнув минералки из холодильника, Ольга зачем-то потрогала холод-

ную печку-буржуйку, после чего направилась к тесной прихожей, сунула ноги в ботинки, заметила в зеркале свое припухшее хмурое отражение с черными винными следами на губах, влезла в куртку и вышла.

Утро встретило холодком. Брезжил рассвет, горы вдалеке казались полупрозрачными. Ольга спустилась с крыльца и двинулась в обход дома. К туалету на улице она привыкла. Конечно, с новым домом должен был появиться и новый санузел, но когда это еще будет? Поначалу Гриша со свойственным ему пылом взялся за подготовку к строительству – так появился сарай, инструменты, первые стройматериалы – но со временем энтузиазм пошел на спад. Они об этом не говорили, но Ольга догадывалась почему. Это было несложно. Она прошла мимо истоптанного пустыря, который уже три года пыталась превратить в сад. Почва противилась, не хотела рожать. Скрипнула дверь, Ольга юркнула в деревянную будку туалета.

Пописав, пошуршав салфетками, она натянула штаны и вышла. Хотелось курить, но сигареты остались в доме. Вокруг носился промозглый ветерок. То ли из-за длинных холодных теней, то ли из-за дурного настроения участок земли перед глазами казался Ольге особенно пустым и безжизненным. Забор покосился, что ли? А там что, Гришка забыл сарай запереть? Еще и топор воткнутым в чурбан оставил. Пришлось заставить себя сдвинуться с места. Вот уже много дней она не приближалась к сараю, обманывая себя тем,

что ей там делать нечего. Это ведь Гришина вотчина, его маленький храм с перфораторами и ножовками. Ольга преодолела отделявшее ее от сарая расстояние, помедлила у приоткрытой двери и осторожно распахнула ее.

Громадные ветвистые рога с убийственно острыми концами прокололи мглу.

С перепугу почудилось, будто там, посреди сарая, стоит олень-исполин, возвышается над Ольгой, готовый вот-вот обрушиться на нее. Но прошло несколько секунд, и Ольга поняла, что видит на самом деле. Рога висели на стене, над верстаком и полками с гвоздями, прямо напротив входа. Какое хрена? Страх схлынул, и на его месте вспыхнула злость. Гриша что, решил оставить себе сувенир после того несчастного случая на дороге? Ольга ступила в полумрак сарая. Оторвавшись от опасно нависающих оленьих рогов, ее взгляд скользнул по полупустому верстаку. Справа, в глубине, лежало что-то громоздкое, металлическое и зубастое. А может, это и не сувенир, подумала Ольга. Может быть, это трофей? На верстаке криво скалился большой покореженный капкан, густо покрытый, словно заросший, кровавой коркой, волокнами плоти и потемневшими клочьями шерсти.

Ольга попятилась к выходу. Ее замутило, но она справилась с приступом, подышав немного снаружи. Похоже, Гриша многое ей недоговаривал. Во рту скопилась кислая слюна, Ольга с омерзением сплюнула в землю и поспешила к дому. Взвинченная, она так и не заметила появившиеся за ночь

прорехи в заборе, будто кто-то пытался вломиться к ним со стороны леса.

За спиной хлопнула дверь. Не разуваясь, Ольга протопала через кухню в спальню. Гриша, нагой, жилистый, с парой татуировок, еще дремал, разметав себя по кровати. Услышав шум, он приподнял голову и, помятый, со всклокоченной бородой, сонно уставился на жену. Та скинула куртку на стул и секунд на десять застыла, играя желваками.

– Ты чего? – сипло спросил Гриша.

Ольга уже приоткрыла рот, чтобы ответить, когда окно слева от нее взорвалось. Волна осколков окатила комнату, в туче стекла мелькнули копыта. Животное грохнулось на пол и тотчас подскочило, бешено оглядываясь вокруг. Ольга отпрянула к стене, не веря своим глазам. Один из тех молодых маралов, оторопело подумала она. Гриша, как был без одежды, спрыгнул с постели, оказавшись в противоположном от жены углу комнаты. Ошалевший зверь топтался между ними, шумно всхрапывая и водя рогатой башкой. Серая шерсть блестела, усыпанная бриллиантовой крошкой. По ногам сбегали струйки крови. Олень повернулся к Ольге. Из морды тоже торчали осколки, а левый глаз исчез под жуткой багрово-черной запекшейся кляксой. Это тот, что первым напал в лесу, сообразила Ольга. Значит, Гриша и впрямь достал его ножом.

Олень сделал пару шагов к Ольге, и та метнулась к выходу.

За спиной гулко стучали копыта, с тумбочки у постели посыпались тюбики и флаконы с косметикой. Вскрикнул Гриша:

– Оля!

Предчувствуя удар, она все же задержалась на пороге и оглянулась. Может, олень переключил внимание на Гришу? Она успела выставить перед собой руки. Рога вспороли кожу на запястьях, Ольга завизжала. Схватила за остроконечные отростки, уперлась, пытаясь оттолкнуть наседающее животное, но сдвинуть его казалось невозможным.

Гриша перепрыгнул через постель, подбежал, уцепился за рога и потащил в сторону. Зверь поддался, потерял цель и на секунду замешкался. Гриша толкнул Ольгу к выходу, и они вдвоем выскочили в кухню.

– Зачем ты кричал?

– Что? – Гриша не понял вопроса.

Он захлопнул дверь, но ни замка, ни щеколды на ней все равно не было. Они поспешили в прихожую. Ольга шла первой, она толкнула дверь наружу и встретила со вторым маралом, занявшим собой крыльцо. В проем тотчас сунулись иглы рогов. Ольга отстранилась, дернув на себя дверную ручку. Раздался треск и скрежет дерева, но закрыться не удалось. Сзади продолжал толкать Гриша.

– Чего там? – Он попробовал отодвинуть жену и вдруг выпрямился, выгнулся, схватившись за правый бок. Сквозь стиснутые от боли зубы вместе с пузырящейся слюной сочились какие-то неразборчивые ругательства.

– Господи, Гришка... – прошептала Ольга.

Рога из проема исчезли, зато теперь снаружи в дверь бодали и били копыта, да так, что сотрясался весь дом.

Гриша оглушительно зарычал и развернулся, сдирая себя с костяного крюка, на который оказался насажен. Ольга охнула, заметив его раскрытую спину. Гриша размахнулся, ударил куда-то кулаком и, озверевший от боли, продолжил наступать. Щелкнув замком на двери, Ольга метнулась из прихожей на кухню, а там – вправо, к столу и кухонному шкафу. Увидела, как дезориентированный марал трясет головой: должно быть, Гриша заехал ему в единственный глаз. Дернула ящик, ложки, половники и вилки едва не разлетелись в разные стороны. Рука сама сграбастала большой разделочный нож. Напружиненная, вжав голову в плечи, Ольга двинулась по краю комнаты в обход мужа к неугомонному оленю. Подобраться, всадить нож в бок или в шею. Вот о чем она думала. Плечо коснулось тюля: она проходила мимо окна. Подумалось вдруг: снаружи тихо. В дверь никто не ломится. Тень заслонила собой свет, отфильтрованный тюлем. Ольга едва успела отступить, когда стекло зазвенело и посыпалось на пол крупными кривыми кусками. В образовавшейся дыре крутилась рогатая башка. Олень закинул на подоконник передние копыта, захрипел, взвизгнул, забил задними ногами в стену дома.

Ольга едва не выронила нож, все это выглядело слишком безумно. Олень дергался, мучил себя и резал ноги о кусочки

стекла, торчащие из рамы. Казалось, он попал в ловушку и не сможет выбраться.

– Охренеть, – выдохнула Ольга, пятась от окна.

За спиной Гриша снова сцепился с одноглазым. Ругань смешалась с натужным храпом животного. Ольга развернулась к ним, вспомнив о ноже в руке. Оставалось лишь вывернуть момент для удара. Мешала дверь в спальню, хлопавшая туда-сюда, да еще печка, за которую отступал олень. Ольга попробовала раз – нож рассек шкуру длинной наливающейся красным галочкой, но глубоко не вошел. Она полоснула опять, отскочила, чтобы не угодить под копыта, и подлетела снова. Гриша держал одноглазого за рога, но стоять на месте тот не собирался – то с силой напирал, то принимался крутиться. Пырнуть его как следует у Ольги никак не получалось.

Послышался грохот, и второй марал все-таки ввалился в кухню. Он прокатился по полу, расшвыривая стулья, и рогом зацепил Ольгину ногу. Вскрикнув, Ольга неловко грохнулась оземь, загудели отбитые локти. Казалось, дом вот-вот рассыплется, не выдержав буйства животных. У обеденного стола подломилась ножка, и пузатая сахарница, солонка и перечница – все поехало вниз. Алтайский марал, стройный и особенно красивый на фоне учиненного хаоса, поднялся на ноги и неровной походкой, болезненно припадая на передние конечности, направился к Грише. Опустил голову, нацелился на незащищенную спину.

– Гришка! – окликнула Ольга. – Осторожно!

Тот оглянулся, опалил совершенно безумным взглядом, заметил хромого и как будто побледнел. Рванув за голову одноглазого, он попытался прикрыться его тушей. Рогачи столкнулись, но не сцепились, а, развернувшись, вдвоем надели на Гришу, прижимая его, окровавленного, с руками в садах, к двери в спальню. Та распахивалась наружу, поэтому отступать было некуда. Правда, Гришу как будто интересовала другая дверь, правее, в чулан, но маралы не собирались его туда пускать. От их взбрыков дом ходил ходуном, трепетали половицы, подпрыгивала мебель. Гриша рычал, тщетно пытаясь удержать рогатых, а те перли и перли, выставив перед собой костяные копыя.

Ольга взвизгнула, в пару шагов оказалась рядом с животными и, сама не понимая, что творит, запрыгнула на спину одного из них, хромого. Вцепилась левой рукой в загривок, а правой стала бить оленя ножом. Тот попятился и в панике заскакал по комнате. Нож соскальзывал, скovyривая лишь кусочек шкуры, или пружинил, наткнувшись на кость, но то и дело находил путь между ребер и погружался вдруг глубоко и влажно, по самую рукоятку. Олень тяжело храпел, его вело то влево, то вправо. Иногда из глотки вдруг прорывался визг, тонкий, металлический, словно смычком вдоль струны резали. Крутящаяся туша боком врезалась в шкаф, внутри посыпалась посуда. Ольга здорово приложилась коленом, плечом и головой, но чудом сумела удержаться. Олень встал

на дыбы, и Ольга повисла в воздухе без какой-либо опоры. Ощущение невесомости длилось лишь миг, но внутренности успели завязаться узлом. Ольгу швырнуло в стену. Что-то хрустнуло – то ли старые доски, встретившись с ее спиной, то ли ребра. Мир тревожно замерцал, подкатила мерзкая беспамятная темнота.

– Нет, нет, нет... – бормотала Ольга, выгребая из мрака.

Оказалось, она лежит на полу у стены. Прихожая совсем рядом. Можно юркнуть туда, сбежать, нестись по дороге до соседних домов, вопить, звать на помощь – кто-то ведь должен отозваться!.. Комната покачивалась. Ольга зарычала, пытаясь встать. В нескольких шагах ее муж старался удержать двух обезумевших парнокопытных. Она не могла сбежать, даже на секунду отвернуться не имела права. Где нож? Ольга балансировала, опершись на одно колено, борясь со слабостью. Она подняла глаза и увидела, как...

Маралы выволокли Гришу на середину комнаты. Одноглазый вырвал рога из захвата, пригнулся и боднул в ребра, в левый бок, чуть ниже подмышки. Гриша застыл выгнувшись, на цыпочках, задыхаясь. Хромой вонзил ему рог в правое бедро. На мгновение все застыло. Это было почти красиво. На мгновение Ольга решила, что мужа убили у нее на глазах, и зарыдала.

Не раздумывая, вся в слезах, она упала вперед, на четвереньки, заметила нож – вот он, у холодильника! – схватилась за рукоятку и успела продвинуться еще на полметра, когда

хромой, не глядя, лягнул ее в грудь. Ольгу словно взрывом отбросило. Вместо левой ключицы, казалось, осталась только черная воронка. Перед глазами вновь потемнело.

Гриша упал, тотчас попытался подняться, цепляясь за выдвинутый ящик шкафа, но поскользнулся и вновь рухнул.

Половицы блестели от человечесьей и оленьей крови.

Ящик из шкафа грохнулся вместе с Гришей. Повсюду рассыпались вилки и поварешки.

Ольга не знала точно, видит ли она все это или рисует у себя в помутненном сознании.

Гриша, рубиновый от крови, подобрал отбивной молоток и встал на корточки.

Маралы неловко топтались, спотыкались, собираясь напасть снова.

Ольга чувствовала себя зверьком, выглядывающим из мрака собственной норы.

Гриша напал первым. Молоток размазался в молниеносную серебристую дугу и, должно быть, проломил бы череп хромого, если бы тот вовремя не отстранился. Выругавшись, Гриша по инерции сделал шаг вперед. Одноглазый подался к нему, намереваясь атаковать открывшийся бок. Гриша успел обернуться и почти без замаха отвесил тому оплеуху молотком.

Дальше все стало совсем нереально.

Хромой заметил Ольгу и, выставив рога, с опаской, словно ожидая ловушку, подбирался к ней.

Второй олень блуждал по кухне, неуклюже круша все, что попадалось на пути. Он сбивчиво дышал и время от времени тоскливо выл. Молоток превратил в багряное месиво его последний зрячий глаз.

Гриша торопливо отбрасывал в сторону обломки стульев и стола, блокировавшие дверь в чулан. Справившись с этим, он оглянулся на Ольгу. Та не поняла, что было написано на его окаменевшем запачканном и неузнаваемом лице. Гриша приоткрыл дверь и скрылся за ней.

Хромой оказался совсем близко, уже нависал, фыркал, давил запахом железа, аммиака и, кажется, мускуса. Крючья рогов раскачивались в каких-то сантиметрах от лица Ольги. Хотелось занырнуть обратно в беспмятство, но ужас выталкивал наружу. Только сил пошевелиться не осталось. Ольгу прошиб пот.

Слепой врезался в брата, боднул в бедро, отскочил. От удара хромой едва не повалился на Ольгу, рога ударили ее в грудь, но не задели острыми концами. Слепой уже вернулся к своему сумбурному болезненному вальсу, натываясь на стены, печку и остатки мебели, оставляя повсюду кровавые отпечатки. Выпрямившись, хромой двинулся в его сторону, потоптался нерешительно, а потом вдруг ударил в грудь. Слепой упал, засучил копытами, размазывая вишневую жижу по полу, и после нескольких неудачных попыток сумел подняться. Подвывая, он заметался по кухне, всякий раз внезапно меняя направление движения. Ольга поползла было

к выходу, но обезумевший зверь подскочил, преградив ей путь. Воздух с шумом вылетал из его ноздрей. Морду и грудь усеивали бурые пятна, алело вспоротое мясо. Огромной тенью надвинулся хромой. Он коротко двинул брата в лоб, и они сцепились рогами, заплясали, норовя затоптать Ольгу, скрючившуюся у их ног, пока не смогли расцепиться и откатиться по разным сторонам. Они двигались медленнее, обоих мотало от усталости и ран, но опасность, от них исходившая, никуда не делась.

Ольга заметила Гришу.

Тот стоял у противоположной стены, сжимая в руках ружье. Новенькую двуствольную «Тайгу», хранившуюся в чулане.

Быстро-быстро выдыхая через рот, выпучив глаза, Гриша пялился на хромого. А потом прошлепал босыми ногами по загустевшим багровым лужам, наставил двустволку и почти в упор выстрелил в оленя.

Грохнуло так, что Ольга с криком схватилась за голову. Казалось, что-то треснуло в черепе.

Слепой в панике ломился в стену.

Гриша сделал два шага в его сторону, вжал приклад в плечо и выстрелил снова.

Вместе с громом Ольгу обдало кипятком. Это были брызги крови.

Ничего не соображая, оглохшая, она продолжала завывать, пока не охрипла.

Когда едкий пороховой дым рассеялся, Ольга обнаружила, что осталась одна в разгромленном доме. С гудящей головой и слезящимися глазами она кое-как поднялась и, стараясь не задевать мертвые олени туши на полу, заглянула в спальню и зачем-то в чулан. Никого. Растерянная, она вышла из дому. Судя по всему, уже давно рассвело, только солнце не хотело показываться, мутно просвечивая сквозь серую облачную плеву. На крыльце Ольга вдруг закашлялась и наконец увидела Гришу. Тот стоял спиной к ней в нескольких шагах от дома, голый и грязный, с «Тайгой» в опущенной руке. Приблизившись, Ольга заметила, что его бьет крупная дрожь. У ног валялась разодранная коробка от патронов – значит, ружье снова заряжено. Гриша пучил глаза, уставившись куда-то в сторону автомобиля, и часто с усилием моргал. Кажется, некоторые из ран на его спине все еще кровоточили, но разобрать было трудно: он весь был покрыт ржавой коркой, где-то она подсохла, а где-то влажно поблескивала. Ольга коснулась локтя супруга, и тот поежился.

– Гриш, пойдем в дом, – подала она голос. – Тебя надо помыть и перевязать.

– Нет. – Он мотнул головой.

– Ты чего? Тебе же надо, ты посмотри...

Гриша помолчал, растерянно озираясь, очевидно не в себе, и пробормотал:

– Нет, поехали так.

– Куда поехали?

– В больницу.

– Хорошо, – робко сказала Ольга и снова взяла Гришу за локоть.

Он не сдвинулся с места.

– Ну пошли? – позвала Ольга.

– Я не знаю, где ключи.

– Какие ключи? – Ей уже хотелось разреветься.

– От машины.

С минуту они простояли так, ежась от ветра, пока Гриша не спросил:

– Охренеть, да?

– Да. – Ольга помолчала. – Охренеть.

– Я не понимаю. В смысле... – Гриша говорил прерывисто, с паузами, – как это вообще? Они же так... не ведут они себя так. Получается, выследили нас. И пришли.

– Гриш...

– С какого хрена вообще? Понимаешь? С чего вдруг?

Ольга вспомнила о сыто скалящемся капкане на верстаке в сарае:

– А ты не думаешь, что они хотели отомстить?

– Чего? – Гриша презрительно усмехнулся. – Какое еще на хрен «отомстить»?

Ольга едва успела подумать, что муж приходит в себя, как он вдруг взорвался:

– Отомстить, блин? Это я могу отомстить! Я! Это приро-

да! Понимаешь, природа! Есть охотники, есть олени! Охотники убивают оленей! Всё!

Ольга подалась назад и успокаивающе подняла руки. Но гневная тирада уже закончилась, так же внезапно, как и началась. Гриша шумно дышал, раздувая ноздри, а потом вдруг буркнул:

– Мне холодно.

Ольга не нашлась что ответить. И вообще, что делать? Вести его к машине? А где ключи? Вернуться домой? Она поглядела в сторону их разоренного жилища. Дверь осталась распахнутой, осколки стекол торчали из оконных рам, будто редкие больные зубы из десен.

Из глубины дома доносились шаги.

Гриша затаил дыхание и медленно обернулся, проследив за взглядом жены. Стараясь не шуметь, они двинулись к дому. Слышно было, как неуверенно постукивают копыта о доски пола. В окне мелькнула иссера-бурая оленья спина. Супруги испуганно переглянулись. Животное бродило по кухне то в одну сторону, то в другую. От одного тела к другому, догадалась Ольга. Вдруг шаги стали ближе и мягче – из-за коврика в прихожей. Ольга поспешила убраться подальше от крыльца, укрывшись за стеной здания. Гриша последовал за ней. Вскоре они увидели, как из дома, тихо и нетвердо ступая, выходит оленуха. Она была выше погибшего молодняка, но стройнее и безрогая. Ольга вспомнила ее.

Гриша поднял ружье и прицелился.

Оленуха, как будто потерянная, слабая, почти добралась до забора. Еще несколько секунд, и она выйдет на дорогу к лесу. Ольга посмотрела на мужа, на его пальцы, впившиеся в ореховое цевье «Тайги», на черные сдвоенные стволы. В голове уже разрывался гром, в груди закручивались тиски. Она чуть подалась вперед и разомкнула слипшиеся вдруг губы, еще точно не зная, что хочет произнести и произнесет ли. Гриша скосил на нее взгляд, сперва недоуменный, затем презрительный. Так и не сумев ничего выговорить, с заложенными ушами от подскочившего давления, Ольга почувствовала движение вне поля зрения. Справа выросла тень, слишком массивная, слишком высокая. На лицо Гриши обрушились копыта.

Почва ушла из-под ног. Ольга с воплем бросилась к Грише, как в пустоту, без чувства опоры. Схватила за руку, заслонила, подставила спину под град копыт. Тотчас ухнуло в правую лопатку, словно метеорит упал. Ударило по затылку, чиркнуло по левой стороне черепа, отчего внутри на секунду погас свет. Ольга очутилась на земле. Перевернулась, приподнялась, крутя головой в поисках мужа, и, к своему ужасу, сразу его нашла.

Он лежал скорчившись, пока оленуха втоптывала его голову в багровую грязь.

Ольга завыла, царапая землю. Попробовала встать – ноги не держали. Ружье! Где ружье? Взгляд запрыгал, закружился, но «Тайга» будто сквозь землю провалилась. Разъяренное

животное продолжало топтать Гришу. Казалось, оно просто издевается над мертвым телом, но Ольга видела, как скрючиваются пальцы на руках Гриши, как он слабо сучит ногами. Его лицо исчезло. Лучше туда было не смотреть, чтобы не увидеть нечаянно, как в алом булькающем месиве распаивается слишком широкий рот и щелкают неприкрытые кожей прореженные зубы. Глаза Ольги застило слезами, она отвернулась. Господи, что делать? Бежать? Не верилось, что она успеет пересечь двор. Ольга толкнула себя к дому, неловко поползла, уже у крыльца сумела подняться на четвереньки. И тотчас повалилась снова от удара в поясницу.

Сперло дыхание. С перекошенным лицом Ольга оглянулась, заметила, как с неба вновь падают копыта, и перекадилась. Она успела вскочить и сделать пару шагов на полусогнутых ногах, прежде чем ее настиг очередной увесистый тычок в спину. Снова подняться, снова упасть, стискивая зубы от боли. Не разбирая дороги, Ольга двигалась куда-то вглубь огороженного участка. Оленуха шла рядом, то и дело напоминая о себе новым ударом. Угодив лицом в холодную рыхлую почву, Ольга обмякла. Казалось, сил больше нет.

Она лежала раскинув руки, разбитая, посреди так и не разбитого сада.

...Гриша отчего-то не хотел идти в центр по планированию семьи. И даже «нет» не говорил, чтобы у Ольги не было возможности поспорить. Он просто всякий раз находил отговорку, повод отложить поход в клинику на потом. Оль-

га ездила одна, сдавала анализы, консультировалась. Она видела сопротивление мужа, поэтому ничего ему не говорила. С ней все было более или менее в порядке: ничего такого, что помешало бы зачать и выносить ребенка. Гриша все реже делился вслух своими мечтами о большой семье, большом доме и пышном саде, но продолжал привозить из города семена, которые Ольга сажала в землю, а та продолжала их отвергать...

Теперь Гриша лежал где-то у крыльца с растоптанным лицом и грудью. Ольга приподняла голову и повернулась, но не сумела разглядеть мужа. Правую кисть пронзила боль. Ольга оглянулась и сквозь слезы увидела копыто, пригвоздившее ее ладонь к земле. Она взвыла, попыталась вырваться, зашарила свободной рукой, швырнула вверх комья почвы, попробовала лягнуть оленуху в брюхо, а потом нащупала в земле гладкий увесистый булыжник и вцепилась в него. Получилось оттолкнуть маралиху плечом, и та отступила. Не прекращая подвывать, Ольга схватилась за камень обеими руками, крутнулась, ощущая, как груз норовит выскользнуть из пальцев, и врезалась в морду животного. Оглушенное, оно рухнуло наземь.

Камень куда-то отлетел, и Ольга опять осталась безоружной. Оленуха пробовала встать, по темному носу сбегала кровь, рот приоткрылся, на миг показались мелкие красные зубы. Баюкая раненую руку, Ольга осторожно попятилась, и ланка, то и дело падая, тоже отступила подальше. Ольга не

решалась отвести глаза от зверя и не знала точно, в какую сторону двигается. Просто делала шагок назад, потом другой. Сама себе она казалась подушечкой для иглонок, только иглами служили собственные кости, и каждое шевеление, каждый вдох отзывались мучительными уколами внутри. Отойдя метров на семь, Ольга поняла, что оказалась у сарая. Дверь была распахнута.

Оленуха, похоже, оправилась от удара. Теперь она нервно переступала с ноги на ногу и пялилась на Ольгу с противоположной стороны участка. Та вдруг подумала: чего ей надо? Почему она нападает? Почему бы ей просто не уйти? От изнеможения хотелось лечь прямо тут и уснуть. Накатывала тошнота. Вспомнилось Гришино многозначительное «Природа!», как он, Гриша, расплескивая вино из бокала, рассуждал: так у животных все устроено, так уж повелось. И пусть он бы сейчас с ней не согласился, Ольге казалось, что ответ на возникшие у нее вопросы как-то связан с этой его «природой». В голове у Ольги пьяное Гришино эхо откликнулось: «Это неестественно!» И тут она не стала бы спорить с мужем. Жив ли он еще? Возможно, умирает прямо сейчас и прямо сейчас ему нужна она, Ольга.

Сквозь пелену облаков в вышине продрался сноп солнечных лучей, на миг ослепив Ольгу. И в этот же миг оленуха сорвалась с места. Разделявшие их метры она преодолела в несколько прыжков. Встала на дыбы, неожиданно громадная, темная, в золотом ореоле. Рукоятку топора Ольга ско-

рее нащупала, чем разглядела. Казалось, правая пострадавшая рука не сможет ничего удержать, но выбора не было, и она удержала. Копыта уже падали на Ольгу, пробивая солнечный нимб, когда та выдернула топор из чурбана и коротко махнула им перед собой. Хорошего удара не вышло, но, получив в брюхо тяжелым металлическим полотном, пусть и тупой его частью, животное дернулось и завалилось в сторону. Копыта успели съездить по плечам и по лбу, и Ольгу отбросило назад. Каким-то чудом она устояла и даже занесла топор над головой. Прوماхнулась – оленуха успела вскочить и отпрыгнуть.

Они хрипели, били друг друга, мазали, попадали, дрожали от ударов и, изнуренные, плохо соображающие, опять лезли в драку.

Кровь сбегала у Ольги по лбу, по носу, капала с брови на веко, мешая видеть. Один черт перед глазами то и дело темнело. В ухо затекало что-то горячее. Топорище едва держалось в руках. Ноги казались ватными. Боль отдалялась, и это пугало. Ольга не могла позволить себе потерять сознание, ведь это означало смерть.

Маралиха хромала и была передними ногами намного слабее, чем прежде. Топор ободрал с них шкуру, разлохматив мышцы на левой и, возможно, расколов колено. Зарубки на груди, на шее и морде сочились ярким рдяным соком.

В очередной раз отступив, Ольга споткнулась о порог сарая. Чтобы не упасть, привалилась к косяку, но вновь взмет-

нувшиеся вверх тяжелые роговые башмаки втокнули ее внутрь. Оленуха ввалилась следом. Она меня здесь зажмет, подумала Ольга. Конец. Затем пришла другая мысль: я могу ее тут запереть.

Не мешкая, Ольга попробовала протиснуться к выходу – не вышло. Оленуха навалилась на нее, протащила до стены, от удара с полок на утоптаный земляной пол посыпались гвозди, зазвенели ножовки. Держа топор левой рукой, Ольга неловко ударила животное по спине, сначала широкой щечкой полотна, а потом все-таки лезвием, пусть и не глубоко. Оленуха толкнула ее к другой стене. Будто почуяв что-то, она все время старалась загородить выход своей тушей. Так их и мотало в тесном полумраке от стены к стене, трещали доски, рушились полки, гремели инструменты. С грохотом низвергнулся верстак со всем содержимым, следом пали подвешенные рога. Ольга никак не могла выбрать момент для хорошего удара, пока наконец не отпихнула животное ногой, отчего то повернулось боком. Ольга вцепилась в топорище двумя руками и заревела от боли, поднимая оружие над головой. Шаг вперед, и топор сам ринулся вниз. Сам вспорол шкуру, сам нашел дорогу между ребер. И застрял. Рукоятку вырвало из ладоней, и Ольга в ужасе отшатнулась.

Ланка совершенно обезумела. Она верещала, брыкалась, пятилась, прыгала на стены. Ольга вспомнила слепого марала и последние мгновения его жизни. Потом тела на кухне в тумане пороховых газов. Ее замутило. Надо валить, поду-

мала она и развернулась к выходу. Оленуха возникла перед ней, снова заслонив дверной проем, и встала на задние ноги – не для атаки, а как будто в конвульсии. Ольга не знала, что делать и как защищаться. Она оторопела. В следующую секунду оленуха обрушилась на нее всем своим весом.

В спину что-то вонзилось, и Ольга задохнулась.

Ланка дергалась, сучила копытами, но не могла подняться.

Боль была колоссальной. Такой боли не могло существовать.

По-рыбьи хлопая ртом, с трясущейся головой, Ольга скосила взгляд вниз, но не сразу поняла, что видит. Она ожидала увидеть свое разодранное в клочья тело, но это было нечто другое.

Справа из ее груди под ключицей торчал длинный рог. Ниже выглядывали и другие. Пробив шкуру ланки, рога исчезали в ее груди.

Это рога марала, подумала Ольга. Того большого сильного марала, самца, отца семейства, которого Гришка привез на капоте «Нивы». Гребаные рога, они грохнулись со стены, а я упала сверху.

Пригвожденная к ней ланка еще предпринимала попытки встать, но понемногу слабела. Она скрипуче вскрикивала, кусалась, множа синяки на плечах Ольги, и фыркала ей в лицо. Та уже не замечала этого. Из-под полуприкрытых век она наблюдала за тем, как кровь покидает раны на теле оле-

нухи, струится, вьется по изгибам рогов и изливается на раны Ольги. Это что-то могло или должно было значить, но вместе с кровью в раны проникал мрак, тягучий, сладкий, как смородиновое варенье, и неподъемный, как Вселенная. Ольга не заметила, как он заполнил ее всю.

Ольга не услышала, как кто-то встревоженно окликал ее. Она не увидела толпящихся над ней силуэтов.

Кажется, она услышала, как воет электропила, распиливая рога. Костная стружка летела ей прямо в нос, она должна была это почувствовать, но не чувствовала.

Ольга ненадолго пришла в себя лишь во дворе, обмотанная ремнями, на носилках. Сквозь мглу притупленной боли она разглядела Гришу. Узнала, несмотря на полиэтилен, которым его накрыли. Глухо переговариваясь, у сарая переминаясь мужчины. Ольга заметила Климова в желтой куртке и поняла, кто ее спас. Климов почему-то держал в руках Гришину двустволку, глядя себе под ноги. Остальные мужчины тоже смотрели вниз и хмурились. Там, на земле, судорожно подергиваясь, лежала грязная израненная оленуха. Во рту пересохло, Ольга сглотнула вязкую болотную жижу, наполнявшую рот вместо слюны. Она снова посмотрела на мужа в мешке для трупов, потом подумала о двух тушах в доме. Губы задрожали, стало трудно дышать. Она не сразу поняла, что это гнев. Ее душил гнев.

Климов проверил патроны в «Тайге», вжал приклад в пле-

чо и прицелился. Остальные молча подались в стороны. Кажется, Климов медлил. Ольга не могла это вынести, выстрелы разрывали ее изнутри, они отскакивали от стенок черепа и возвращались множественными вибрирующими отзвуками, от которых стиралась эмаль на стиснутых зубах. Ольга тянулась к Грише с ружьем, тот отвлекался, и копыта били его в нос, в щеки и в челюсть. Ольга тянулась, Гриша отвлекался, копыта били его. Гриша был мертв. Гриша ходил по кухне и расстреливал маралов. Гриша ходил по кухне и расстреливал маралов. Гриша ходил по кухне и расстреливал маралов. Эхо выстрелов умножалось на бесконечность. Ненависть лопнула в Ольге, словно абсцесс, словно воспаленный желчный пузырь. Волна взмыла к горлу, заставив приподняться, пусть и только на несколько сантиметров, натянув ремни на груди.

Ольга выкрикнула что-то. Выкрикнула злобно. И от усилия, не успев до конца понять, что именно произнесла, потеряла сознание. После чего еще очень долго была только тьма.

Вдали в сумерках розовела величественная, протянувшаяся на сотни километров гряда Хамар-Дабан. Чирикали приптаившиеся птицы. По пустынному участку вокруг дома гулял ветер, не по-летнему пронзительный, холодный. Осень еще нельзя было увидеть, но уже чувствовалось, что она здесь, уже пришла. Снова.

Ольга вышла на крыльцо. Кружка чая в руках, сигарета за

ухом. Закинула ногу на перекладину, прислонилась к стене, повозилась немного, устраиваясь поудобнее, и наконец отхлебнула чай. На лбу серебрился старый шрам, другой прятался в волосах. Но самые страшные, конечно, скрывались под одеждой. Ольга почти свыклась с ними. Она все еще пугалась громких звуков, но теперь уже была спокойнее. Она исхудала, стала жилистой, по лицу рассыпались мелкие морщины. Зато она снова могла есть сама, не выблевывая пищу. Только с мясом все еще бывали проблемы. Иногда на нее нападал беспричинный страх, и она металась по дому, с бешеным пульсом, задыхаясь, пока не забивалась куда-нибудь в угол, зажимая уши руками. К счастью, терапия и прописанные препараты, кажется, помогали, и теперь это происходило все реже. Иногда она просыпалась ночью, раз за разом выкрикивая одно и то же слово.

– Хватит, – задумавшись, Ольга не заметила, что шепнула это вслух.

Как ей потом рассказали, именно это слово она прокричала, прежде чем отключиться на носилках. Ольга закурила. Неподалеку шелестел обильно разросшийся по земле березовый ерник. Медленно переступая, оленуха срывала зеленые листочки и пережевывала. Ее шрамы, проглядывающие сквозь серовато-бурую шерсть, были заметнее. Она прихрамывала, и это уже нельзя было исправить.

Где-то взвизгнули, завыли саксофоны. Ольга встрепенулась, подобралась на секунду и неловко улыбнулась своему

испугу. Ланка подняла голову, прислушиваясь. Звук доно-
сился из леса. Он был долгим, переливчатым, в нем смеша-
лись тревога, тоска и угроза.

– Маралы режут, – зачем-то произнесла Ольга дрогнув-
шим голосом. – Гон идет.

Она вспомнила Гришу, захотелось расплакаться. Ольга
торопливо затянулась, раз, еще раз, выдохнула. Поднесла к
губам кружку чая. Подумала о том, сколько дел предстоит
завтра. Мысленно представила список, прошла по пунктам
и потихоньку успокоилась.

Оленуха опустила голову, вернувшись к трапезе. Густели,
сочились тени, на западе теплился закат. Маралы продолжа-
ли реветь вдалеке.

Олег Савощик

Как живые

– Превосходно. – Петр Васильевич погладил бок животного, утопил пальцы в густом меху. – Вот это красота. Давно?

Он взглянул поверх очков, таких тонких, что, казалось, в них совсем нет линз.

Дима на миг задумался.

– Меньше двух часов назад, – ответил он рассеянно, расстегивая куртку и стараясь не смотреть на стол, где лежала рысь.

Охотник устроился на скамье у стены и с удовольствием вытянул уставшие ноги. В мастерской едва различимо пахло химией и диким зверем. Несмотря на прохладу, Диму душил жар, хотелось выйти на улицу, умыться лицо горстью снега.

– Хорошо, тогда сразу и начну. – Петр Васильевич накинул через шею чистый фартук, завязал за спиной. – На тебе лица нет, все в порядке?

Дима напрягся, облизнул пересохшие, почему-то горькие губы. Он ждал этого вопроса, но не успел придумать ответ:

– Илай... Она его убила.

Не удержался, посмотрел на рысь. В ярком свете потолочной лампы пепельно-серая шерсть отливала голубизной. Мускулистые лапы заканчивались изогнутыми когтями. Таки-

ми кошка может вскрыть даже лося.

Петр Васильевич цокнул языком.

– Жаль, хорошая была псинка. Я тебе говорил – одной лайки на рысь мало.

Дима мотнул головой, отгоняя образ: разорванное горло, кровь на обивке сиденья. Сказал:

– Я у тебя посижу маленько? Выдохся что-то.

«Илай все еще в машине».

– Да хоть до утра оставайся, дом большой, – отозвался Петр Васильевич, пробуя большим пальцем кромку ножа. На столе уже стояла миска с крахмалом; под столом, у ножики, – запечатанная пачка крупной соли. – Может, тебе горячего налить? Или у меня там коньяк початый стоит. Хороший, сын подарил.

– Коньяку можно.

– В гостиной у камина. В конце коридора направо.

– Тебе принести?

– Потом. После работы. Ты, может, мясо хочешь забрать? – Вопрос застал Диму на пороге.

– Кто же ест хищников?

Петр Васильевич покачал головой.

– Дурацкие нынче традиции. А мясо у рыси, между прочим, нежное, вкусное, как телятина. Когда-то на стол боярам подавалось как деликатес. Ладно, дело твое.

Под потолком коридора застыл в пикé пернатый охотник. Дима почти готов был признать в нем коршуна, но запутали

непривычный окрас и ярко выделявшийся рыжий хвост. А еще подвешенная на невидимых лесках птица казалась крупнее коршуна, но, может, дело было в непривычной близости или в размахе крыльев, способном накрыть лежащего человека.

Если встать под отбрасываемую чучелом тень, казалось, что острые когти вот-вот вцепятся в лицо, сорвут его как маску, пробьют череп с той же легкостью, с какой нож пробивает арбузную кожуру.

Дима невольно пригнул голову, проходя под вытянутыми в атаке лапами, хотя высоты потолков хватало, чтобы даже с его ростом не цепляться за чучело. За дверью справа послышался шорох, будто кто-то скребет лапой по дереву. Илай так просился на прогулку: за несколько лет все косяки в квартире ободрал.

Дима не мог припомнить, были ли у Петра Васильевича животные. Живые животные. Он замер, прислушиваясь, но звук не повторился.

«Сейчас хряпну коньяку, и все пройдет. Перестанет мерещиться всякое говно. Всякое...»

С противоположной стороны коридора на Диму смотрел кабан. Накренившись вперед, приподняв переднее копыто – чем ближе подходишь, тем больше кажется, что он бежит на тебя. И в узком коридоре не скрыться. Из спины кабана торчало древко копья, черная кровь застыла на вздыбившейся щетине.

Дима присел рядом, в очередной раз любуясь работой мастера. На клыки животного налипла грязь, к бокам пристали репы. Вся морда была усыпана пожухлой хвоей. Зверь только что выбрался из леса. Внимание к деталям дает вторую жизнь: на пяточке можно рассмотреть торчащие белесые волоски, в глазах – налитые кровью капилляры. И дикую, присущую лишь раненым и больным ярость.

Дима знал, что Петр Васильевич заказывает дорогие стеклянные глаза из Германии, такие, что отражают свет совсем как настоящие. Но зажечь в них эмоцию может только опытная рука таксидермиста.

...В камине тлели угли, отдавая последнее тепло. Бутылка в руке Димы дрогнула, и коньяк пролился мимо бокала, ароматные капли потекли по пальцам. Охотник выругался, вытер руку о штаны. Обжег горло первым глотком.

В третьем месяце зимы темнеет все еще рано, и за окном едва можно различить высокий забор, а дальше лишь стена из густого ничего. Дима поймал себя на мысли, что даже примерно не представляет, который сейчас час. Телефон остался на приборной панели, и в гостиную почему-то, как назло, не оказалось часов.

В котором часу он тащил тушу рыси, весом почти в четверть центнера? Было светло или уже легли сумерки? Дима попытался вспомнить, как пробирался через чащу, запыхавшись от своей ноши и уклоняясь от колючих веток, а рядом бежал Илай, и... Нет, Илай остался лежать там, головой в

растаявшем от крови снегу. Остался или хозяин за ним вернулся?

Дима застыл, глядя, как дрожит бокал в побледневших пальцах. Плеснул себе еще, запил тревожность. Коньяк не помогал. Казалось, охотник что-то потерял в том лесу, что-то очень важное. Словно зацепился головой, и воспоминания остались висеть на ветке, попробуй теперь отыщи.

Дорога сюда тоже расплывалась. Перед глазами стояли руки, вцепившиеся в руль, но сама трасса... Трассу Дима не помнил. Что играло в салоне? Включал ли он вообще радио? Останавливался ли на заправке? И почему боялся повернуть голову, посмотреть на пассажирское сиденье...

Звук повторился. Кто-то скреб в соседней комнате, только на этот раз прибавилось то ли тьяканье, то ли скулеж. Дима вернул пустой бокал на место и обошел гостиную полукругом, толкнул приоткрытую дверь. Выключатель нашелся сразу.

Книжный шкаф, высокое кресло за письменным столом, раскрытый ноутбук.

«Кабинет? Зачем я вообще здесь лазаю?»

У стенки справа боролись волки. Один перехватил другого в прыжке, вцепился в горло. У проигравшего на клыках кровавая пена, в глазах – последняя боль. И злоба.

«Волки умирают с оскалом, – вспомнил Дима слова отца. – Страх делает сильнее травоядных. Боль – хищников. Поэтому не причиняй им боли – бей один раз и навверняка».

Стена позади кресла увешана картами: Беларусь, Литва, Польша, Украина, кусочек России. Цветные булавки – заповедники, заказники, национальные парки. Пунктирные линии – ареалы птиц и крупных млекопитающих.

Комната оказалась проходной, и Дима нажал на ручку следующей двери. Тусклый свет потолочной лампы лениво коснулся пустых углов, в небольшом помещении не было мебели. Только очередное чучело.

Лиса запуталась в колючей проволоке. Оцинкованные петли удавкой стянули рыжую шею, обвили морду, острый шип вошел в глазницу. Лиса отчаянно тянулась к своей лапе, норовя разгрызть, стянуть с себя смертельные оковы. Диме казалось, что она кричит, просто он не может ее слышать, настолько естественно выглядела скрюченная фигура, пропитанная болью, настолько точно отпечаталась во взгляде зверя та самая тьма – черная линия между жаждой жизни и принятием неизбежности.

«Зачем?»

Дима передернул плечами, будто избавляясь от невидимой тяжести, и обернулся, убеждаясь, что один в комнате. Он услышал вопрос у себя в голове, но сам ли он его задал? Стараясь больше не смотреть на пойманную лисицу, Дима выключил свет и вышел в коридор через боковую дверь. Вернулся в мастерскую. Коршун проводил его стеклянным взглядом.

– Полегчало? – спросил Петр Васильевич не отвлекаясь от работы.

Он уже успел сделать разрез на груди и теперь точными аккуратными движениями снимал шкуру с бока рыси, не забывая посыпать края крахмалом, чтобы мех не слипался от крови и не приставал к мясу.

Дима буркнул нечто неразборчивое и вернулся на скамью. Справа от него стоял барабан для сушки, у противоположной стены – морозильник и шкаф с реагентами для дубления. В мастерской было всего два чучела: пара кукушек над входом, доказательство мастерства таксидермиста. Из этих птичек чучело сделать сложнее всего, и дело не только в размере, слишком уж тонка у них шкурка, слишком ювелирного обращения требует.

«Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось?» – почему-то вспомнилось из детства. Птички не ответили.

– Как Илая хоронить будешь? – спросил Петр Васильевич. – Кремация или...

– Хочешь предложить свои услуги?

– Нет, – твердо ответил мастер. – В нашей профессии, знаешь ли, это что-то вроде табу. Домашние животные.

– Почему?

Дима спросил не столько из любопытства, сколько чтобы отвлечься от дурных мыслей. Почему ему так не хочется возвращаться в машину? Можно ли ему сейчас уходить?

«Я просто устал».

– Все дело в привязанности. Ее не подделать – такое, увы, нашему искусству неподвластно. Я могу сделать из Илая чучело. И это будет хорошее чучело собаки, просто собаки, а не твоего друга.

– Отчаяние и боль у тебя отлично удастся подделать.

Петр Васильевич оторвался от свежевания, поправил очки тыльной стороной запястья.

– Я видел лису, – пояснил Дима. – Извини, не стоило шататься по твоему дому.

– А, это, – таксидермист махнул рукой. Снова взялся за нож и сделал разрез на пятнистой лапе. – Последний заказ для частной коллекции, завтра заберут. Не поверишь, за какие извращения эти японцы порой готовы платить. Хорошие деньги, надо сказать. Ведь хорошие?

Дима не ответил. Хорошие. Настолько, что он уже лет десять как выходит с ружьем не только в охотничий сезон. Объездил почти все заповедные места Европы. На краснокнижников всегда особый спрос.

– Рысь тоже... Так? – спросил Дима.

– Да. Но над исполнением буду думать. Когда-то у нас были толстенные папки с вырезками. Приходилось часами изучать журналы о природе, вырезать фотографии, искать естественные позы, ситуации... Сейчас проще, конечно. В Интернете чего только не найдешь. Вообще, многое стало проще. – Петр Васильевич деловито перевернул тушу. – Но варварами и живодерами нас зовут до сих пор. А я ведь живот-

ных люблю. Я их даже не стреляю, в конце концов! В жизни ружья в руки не брал.

Дима следил за отточенными движениями Петра Васильевича: каждый разрез именно там, где он должен быть, ни одного лишнего движения. И думал, что сложно верить в любовь человека, чьи пальцы красны от крови.

– Я дарю им посмертие. Рано или поздно их сожрут черви. Я могу превратить их в память. А как именно... Какая им теперь разница?

– Может, разница в уважении? К тому же посмертию.

– Уважение, – Петр Васильевич фыркнул. – О да, мне говорили об уважении. «Недопустимость негуманного изображения животного» – такой была точная формулировка. А потом эти лицемеры возят по выставкам «Упоротого лиса» этой недоучки Морзе, и посмертное оскорбление уже никого не волнует, пока есть известность и капают деньги.

Дима не нашел что ответить, в голове гудело. Историю старого таксидермиста он хорошо знал. Петр Васильевич в профессии уже тридцать лет, начинал в Гомельском государственном музее, после перебрался в знаменитый Дарвиновский. Его чучела украшают даже частную коллекцию космонавта Леонова.

Однажды Петр Васильевич сам перечеркнул свою карьеру, когда на чемпионат по таксидермии в Питере привез крапчатого суслика с инсталляцией «Под колесами». Мастер старался: делал специальную подставку, имитирующую ас-

фальт, рисовал следы шин, особо тщательно проработал искусственные внутренности, подобрал зверьку реалистичную позу. Слишком реалистичную.

Потом был скандал и позорное исключение из Ассоциации. Но оказалось, что даже на такое творчество нашлись ценители, готовые платить, и Петр Васильевич продолжил заниматься любимым делом, оборудовав мастерскую в своем загородном доме.

За дверью послышалось хлопанье крыльев, словно ночная птица залетела в окно. Дима вжался спиной в стену, перестал дышать, пытаясь уловить еще хоть звук, но все стихло. Посмотрел на Петра Васильевича: тот продолжал орудовать ножом не поднимая головы.

– Как, кстати, в Беловежской прошло? – спросил он. – Человек провел без лишних вопросов, как я и говорил?

«Я не помню!»

– Да, – ответил Дима, оттягивая высокий воротник свитера. – Нормально вроде...

Охотники в Беловежскую пушу едут со всей Европы, потому что там дешево, часто бывают гости из Италии и Германии. Но попасть на закрытую территорию, где нет туристов и где даже для научных сотрудников ограниченный доступ, – это не кабанов под присмотром пострелять. Поэтому у Петра Васильевича везде есть такие вот «человечки» без имен и принципов. И без вопросов.

– Говорят, фашисты окрестили Беловежскую пушу Мерт-

вым лесом, – сказал Петр Васильевич понизив голос. – В сорок первом наши отступали и оказались отрезаны от основных сил. Потому стояли насмерть. Фрицам пришлось нелегко: артиллерией не бахнешь, а в лесу творится черт знает что. Представь: непроходимые дебри, под ноги смотреть надо постоянно, чтобы не переломать их о корни да коряги. А из-за папоротников пули летят, все кричат... И не понять, свои или чужие, рядом или вдали. Твои товарищи свинец поймали или раненый испуганный зверь их сейчас на части рвет.

Последние фразы Дима различал с трудом, стук сердца заглушал голос таксидермиста, выбивал из них всяческий смысл.

«Зачем он мне это рассказывает»?

Дима помнил тишину. Деревья росли так тесно, что их кроны скрывали солнце и даже днем в лесу стояли сумерки. И тишина такая, что хруст снега под ногами как гром выстрела, а собственное дыхание, казалось, слышно далеко за польской границей. Диме подумалось, что он не найдет сегодня свою добычу, что нет здесь никакого зверья. Что оно давно вымерло.

– Сегодня туристам показывают жертвенный камень, на котором славянские племена делали подношения своим богам, – продолжил Петр Васильевич. – На нем все еще остались прожилки, по которым стекала кровь зарезанных животных. И показывают дубы, которым по три-четыре века. Но мало кто знает, что в закрытой зоне есть деревья старше

– девятьсот лет, а может, даже и за тысячу. Они выросли на жертвенной крови, когда последние из язычников пытались прогнать со своих земель нового бога. Говорят, что старые хозяева... – истинные Хозяева леса – все еще там, среди ветвей.

«Я видел эти дубы».

Дима тщательно вытер о штаны вспотевшие ладони.

– Что-то ты на старости фольклором увлекся. – Охотник попытался выдавить из себя улыбку.

Петр Васильевич пожал плечами.

– Эти байки хорошо продают. Настоящий таксидермист отчасти художник, отчасти скульптор, но все равно чучело – это всего лишь шкура на искусственном теле. Она может быть дорогá охотнику как память, как трофей, может представлять интерес для музея... Но чтобы попасть в хорошую частную коллекцию, ей нужна история. Легенда красивая... Или страшная.

Дима не ответил. Ему чудился стук копыт в коридоре и тьяканье где-то в глубине дома. Застывший взгляд рыси уперся ему в грудь. Петр Васильевич уже освободил передние лапы, снял шкуру вместе с когтями. Когда закончит с задними, возьмется за голову, начиная с ушных хрящей. Последним будет короткий, будто обрубленный хвост. А тело порубит и съест. Или выкинет. Главное, что избавится. От него надо поскорее избавиться!

«Побыстрее бы старик закончил».

– И тем не менее... – Петр Васильевич отложил нож, уперся руками в стол. – Когда фрицы взяли пушу, Гитлер подарил ее своему подручному, главному лесничему Третьего рейха Герману Герингу. Рейхсмаршал быстро навел там свои порядки: ближайшие деревни расселили, людей расстреливали и вешали пачками, лес вывозили в Германию, зубров тоже планировали вывезти, тех, кого не угробили... Но в самую глушь, к тысячелетним дубам, он своим карателям запретил лезть строго-настрого. Даже если бы туда вели следы советских партизан. Доподлинно не известно, что немцы там нашли. Или увидели? Может, боялись гнева тех, кого разбудила пролитая кровь? Уже после, когда были расшифрованы секретные переписки с Германией, выяснилось, что Геринг называл то место «зеленый ад».

Дима прикрыл глаза.

...Его ад был белым и хрустел под ногами. Дима пробирался сквозь чащу, обливаясь потом, пригибаясь под размашистыми лапами-ветвями с припорошенной хвоей, перелезал через упавшие, сломленные бурей или старостью стволы. Снег плотный, но местами все равно проваливаешься, рискуя вывихнуть лодыжку о невидимую корягу. Двустволка давит на плечо.

Уже дважды они упустили добычу. Натасканный на рысь Илай дважды находил следы: оставленные мягкой поступью, неглубокие, словно кошка совсем ничего не весила. И дважды следы обрывались через сотню-полторы шагов. Разгля-

деть хищника среди ветвей при таком свете не представлялось возможным, а «по верхам» рысь уходит не хуже, чем по земле.

Наручные часы остановились, чертова батарейка опять подвела в самый неподходящий момент, и время будто замерло вместе с секундной стрелкой. Днем рысь отдыхает, но, встревоженная, может пройти до пятнадцати километров, петляя и возвращаясь на старые маршруты – непреодолимое расстояние для охотника в этих лесах.

«Если сейчас не найдем больше следов, значит, ушла далеко. Придется возвращаться».

«Вернуться», – стучало в голове. Столько соблазна было в этом слове, что, будь с Димой кто-нибудь рядом, позови его, предложи пойти обратно, он повернул бы не задумываясь. Но Дима был один на один со своим упрямством, которое гнало его вперед.

В чаще становилось тесно. С каждым пройденным шагом деревья росли все плотнее и, казалось, намеревались раздавить своими стволами незваного гостя, проткнуть ветвями, впитать его последний вдох. Еще никогда Дима не чувствовал такой тяжести в лесу, когда зимний воздух впивается в разгоряченные легкие еловыми иголками. И лежало на плечах ощущение собственной чужеродности, словно ты кость в горле громадного древнего чудища, которую вот-вот отхаркнут, камень в почках, который надо вырезать.

Даже Илай вскоре растерял привычный охотничий задор.

Его фигура то и дело мелькала меж деревьев впереди, где он кружил, будто нехотя тыкаясь носом в порошу. В стылой тишине Дима отлично его слышал, мог различить по оттенку лая, вышел ли пес на след, зовет к себе или загоняет добычу. Дима торопился, сбивая дыхание – отпустить собаку далеко не хотелось. За себя он не боялся: несмотря на охотничьи байки, рысь не нападала на человека. А вот за Илая волновался: лично видел, что раненая кошка сделала с двумя взрослыми овчарками.

Дима только сейчас понял, что не видел других следов: будто эту часть заповедника намеренно обходило, оббегало, облетало всякое зверье.

На третий раз им повезло. Илай сработал, как учили: обошел зверя с нужной стороны, облаял и погнал на Диму. Рысь запоздало заметила охотника и лишь в последний момент успела уйти с мушки, рвануть на ближайшее дерево – старый дуб, чей ствол можно было обхватить разве что впятером.

Дима пошел по дуге, собираясь занять удобную для выстрела позицию и высматривая добычу в ветвях. Внизу ее уже ждал, задрав морду, Илай. Дуб стоял обособленно, будто остальной лес не смел приблизиться к древнему исполину, коснуться его кроны. До соседних деревьев кошка бы не допрыгнула.

«Попалась!»

Дима вскинул ружье.

Любой охотник знает, что, вопреки расхожему заблужде-

нию, рысь не прыгает на добычу с дерева, а устраивает засады на земле. Знал и Дима, пока не увидел, как хищник метнулся сверху прямо на застывшего Илая. Пес не успел ни зарычать, ни взвизгнуть, пропал на миг из виду под гибкой тушей, втоптаный в снег.

Дима было бросился к ним, но резко остановился, зарываясь в сугроб по самые голенища сапог, качнулся, едва не полетев лицом вперед, и выстрелил навскидку.

Кровь плавилa снег.

Дима приблизился, но не смотрел на мертвых – только на забрызганный ствол дуба. Кровь стекала, собираясь в узорах потемневшей коры, и исчезала впитавшись.

«Зачем?» – вопрос из ниоткуда и отовсюду разом впился в виски, сотряс все тело до хруста позвонков.

А потом на Диму обрушился лес. Всея своей чудовищной силой вдавил в землю. Дима смотрел, как кружатся кусочки неба в просветах между дубовыми ветвями, а затем корни потащили его на глубину, стерли о промерзшую землю и камни, раздавили, разорвали, и грунтовые воды разнесли его во все стороны на километры вокруг, чтобы он стал пищей деревьям, стал всем и никем, ощутил себя и хвойной иглой, и безграничной бездной, над которой стоит это место, откуда доносится лишь:

«Зачем?»

Стал лесом. Разбуженным. Недовольным.

– ...Эй, слышишь? Ты чего? – Петр Васильевич похлопал

охотника по щеке. – Тебе плохо? Дима?

Дима открыл глаза, дернулся, приложившись о стену затылком, уставился на таксидермиста. Пахло кровью и хвоей.

– Ты отрубился. Все хорошо?

– Нет. Нет, не хорошо...

– Сердце? Или что болит? Я лучше врача вызову. – Петр Васильевич всматривался в бледное лицо.

– Нет. – Дима схватил его за руку. – Давай уедем, прямо сейчас.

«До Бреста пятнадцать минут. Там камень и сталь. Бетон и стекло. Там безопасно».

– Хорошо, отвезу тебя в больничку, – кивнул Петр Васильевич. Тонкие стекла очков не могли скрыть беспокойство в его глазах. – Сейчас только тушу закину на лед. Потом с ней закончу. Ты пока заводи, но за руль сяду я. Сам дойдешь?

– На твоей поедем.

– Мою пока лучше из гаража не выводить, я там в движке собирался...

– Надо на твоей! – отрезал Дима.

– Почему?

«Потому что Илай еще в машине!»

Теперь он помнил, как по пути сюда не сводил взгляда с дороги. Ни разу не осмелился повернуть голову и посмотреть на Илая, сидящего рядом. Увидеть эти застывшие глаза и кровь из разорванного горла на обивке сиденья. Мертвого Илая, который сам добежал до машины.

Головокружение не давало вспомнить что-то еще. Как он выторговал у леса себе время? Умолял, оправдывался?

Или обещал?

Лес послал с ним бывшего друга. Конвоира.

...Любой другой мог бы принять этот звук в мастерской за работу электромотора. Любой, кто никогда не слышал, как мурчат кошки размером с добермана.

Петр Васильевич повернулся к столу и отшатнулся. Посмотрел на Диму, снова на стол и опять на Диму.

– Ты... ты что? – Лицо мастера разгладилось и обесцветилося, а потом приобрело какое-то совсем уж детское выражение. Ребенка не испуганного, а пока только удивленного, но готового вот-вот испугаться. – Ты ее не убил?

«Пять миллиметров картечи чуть ниже правого уха. Один раз и наверняка – как учил отец. Конечно, я ее убил!»

Рысь стояла на столе. Петр Васильевич не успел закончить с головой, линией хребта, хвостом и задними лапами, и шкура сидела на кошке распахнутым плащом. Открытая грудь блестела свежим мясом и белесыми прожилками жира. Серые, с зеленоватым отливом глаза смотрели на людей.

– Извини, – сказал Дима, вставая и прикидывая расстояние до двери. – Ей нужен ты.

И толкнул Петра Васильевича к столу. Таксидермист успел развернуться в тот момент, когда кошка прыгнула. Рысь повисла у него на плечах, вцепилась в голову.

Петр Васильевич взвыл, и от этого крика внутри Димы

разлился холод, сковал конечности. Надо было бежать к выходу, убираться из проклятого дома, но Дима лишь стоял и смотрел, как кружится по мастерской его старый приятель, стараясь скинуть с себя ожившего хищника, а тот продолжал драть задними лапами бока и спину своей жертвы. Когти все глубже утопали в плоти, как совсем недавно в пепельно-сером меху утопали пальцы таксидермиста. Послышался треск, с каким рвут на тряпки старые простыни, и Петр Васильевич упал, а рысь отскочила, сжимая в зубах его скальп.

Она повернула к Диме окровавленную морду, и тот попытался, обходя комнату полукругом, чтобы стол оставался между ним и зверем. Рысь ступала мягко, неспешно, все еще держа в пасти добычу. Тяжелые темные капли падали на пол с человеческих волос.

Петр Васильевич пополз к выходу на локтях, щурясь от заливающей глаза крови. Голова его превратилась в сплошную рану, неестественно красную в электрическом свете, воротник рубашки и распоротая когтями шерстяная жилетка пропитались насквозь. Разбитые очки остались лежать под столом.

Ему удалось дотянуться до дверной ручки, опереться на нее и встать, выйти за порог. Секунду спустя его снесла пробегающая по коридору туша.

Дима бросился в открытую дверь и захлопнул ее за собой. Дверь сотряс удар.

Кабан куда-то пропал. В шаге от Димы лежал Петр Васи-

льевич, хватая ртом воздух, будто кислорода вокруг стало совсем мало. Кровь легла маской на его лоб и глаза, ослепив, левая нога была вывернута и бледный осколок кости проткнул штанину чуть ниже колена. Таксидермист водил руками над собой, пытаясь схватить или уцепиться за что-то невидимое.

– Дима! – сипел он на выдохе. – Где ты? Помоги...

Дима аккуратно переступил его, увернулся от скрюченных пальцев. Подходя к входной двери, запоздало подумал, что оставил куртку на лавке в мастерской. Потянулся к ручке – и сзади налетела тень. Дима успел выставить руку, почувствовал, как когти впиваются в кожу через плотную шерсть свитера.

Крылья молотили по плечам и голове, острый клюв целил в лицо, и Дима закрылся ладонью. Боль обожгла запястье. Он дотянулся до ручки, протиснулся в узкий проем. Коршун рванул следом, но мужчина потянул на себя дверь и прижал птицу к откосу тяжелым стальным полотном. Резко приоткрыл – захлопнул. Приоткрыл – захлопнул. Ломая хрупкие крылья, выбивая из тушки перья и пух. Отлетел и покатился по крыльцу стеклянный глаз. Птица ввалилась обратно в коридор, и Дима захлопнул дверь.

Прислонился спиной, вдыхая морозный воздух и прижимая к груди искалеченную руку. Пальцы, кроме большого, отказывались сгибаться. Из дома доносились приглушенные рыдания Петра Васильевича.

– Помоги мне, пожалуйста! Дима, слышишь меня?

Дима не слышал. Смотрел, как к крыльцу приближается Илай. мех на шее и груди пса стал бурым.

«Я не закрыл дверь? Или он разбил окно?»

Илай поставил передние лапы на нижнюю ступеньку, оскалился.

– Что? – закричал Дима. – Что надо? Я привез тебя сюда, как ты и хотел! Показал тебе! Чего ты еще хочешь?

Лес внутри Илая не ответил. Пес поднялся на крыльцо, зарычал. Дима пошарил по поясу свободной рукой: охотничий нож был на месте.

«Он ходит с дырой в горле. Что ему твой нож?»

– Отпусти... меня, – сказал Дима тихо, не отрывая взгляда от мертвых глаз, не находя в них своего друга. – Дай мне уйти.

Илай широко расставил лапы и пригнул голову, готовый к прыжку.

Время сжалось до мгновения между ударами сердца, Дима сам не заметил, как вновь оказался в доме, хлопнув дверью, наступил на рыжий хвост раздавленного коршуна. Не дав опомниться, на него бросилось что-то лохматое, колющее, щелкнуло зубами перед самым лицом. Не успеет Дима выставить руки, остался бы без носа. Проволока впиалась в пальцы. Дима взвыл и отбросил лису, приложил с размаху сапогом. Хрустнуло, скрипнуло – как если проткнуть пальцем сухую монтажную пену.

Сердце билось в висках. Слева кабан разносил кухню. Впереди была открытая дверь в мастерскую. Петр Васильевич лежал на том же месте без звука и движений, лицо было обглодано, рот без губ превратился в оскал. Справа лестница. Наверх! На второй этаж!

Дима бросился по крутым ступеням и встретился взглядом с желтыми глазами. Наверху сидел волк. Дима развернулся, шагнул назад. Другой волк приблизился к лестнице снизу.

– Суки! – рявкнул Дима. – Что вам от меня надо?

Он прислонился спиной к перилам. С пальцев на ступеньки капала кровь, пачкала штаны.

Все-таки стеклянные глаза смотрятся как настоящие, только когда животное неподвижно. Сейчас немигающий взгляд чучел казался противоестественным, чуждым природе и самой жизни. Хищники скалились, рычали, клоня голову вбок и переминаясь с лапы на лапу, но медлили.

Дима зажал уши. Рык никуда не исчез, даже усилился.

«Это все в моей голове! Они не могут рычать, у них не осталось связок. Только легкий пенополиуретан. Чучела легкие!»

Дима отогнал мысль, что кабан точно не был легким, раз смог вот так сбить с ног Петра Васильевича.

– Давай! Ну! – закричал Дима, разрываясь взглядом между двумя хищниками. – Чего ждете? Пластиковые твари, я вас голыми руками сломаю! Вы всего лишь пластик!

Рысь появилась из коридора, скользнула мимо волка, стала подниматься по лестнице. Даже наполовину освежеванная, она ступала мягко и грациозно, по одной линии, как модель на подиуме; снятая с передних лап шкура болталась при каждом движении, бесполезные теперь уже когти стучали по ступеням.

«Она тяжелая... И все органы на месте. Кроме мозгов, которые я вышиб!»

Дима подавился ругательством, отступил и поскользнулся на залитой кровью ступеньке. Больно приложился копчиком.

– Нет-нет-нет, прошу... не надо!

Рысь не рычала, волки тоже стихли. Она подошла вплотную, нависла над охотником.

– Подожди! Послушай, ну пожалуйста! Это еще не все, есть другие. Другие, понимаешь? Я могу... Могу помочь... Найти их. Понимаешь?

В глазах рыси отражалась хвоя вечного леса. Зеленый ад.

– О, Димон, здорова! Ты как здесь?

– Васильич отъехал в город по делам. Меня за главного оставил.

Дима впустил Валеру в дом. Тот тщательно вытер ноги о коврик, повесил тонкую, не по сезону, куртку на вешалку.

– А-а, я ему набирал.

– Знаю. Он телефон забыл.

– А с этим что?

Валера кивнул на перебинтованные руки Димы.

– Зверь попался. Лютый.

С Валерой охотник пересекался всего пару раз и только в этом доме. Щуплый лысоватый помощник таксидермиста носил громоздкие очки, яркие кроссовки в любое время года и решал для Петра Васильевича все вопросы с клиентами.

– Ну, показывай тогда. – Валера не разуваясь прошел по коридору. Остановился, подняв взгляд под потолок, где лишь присмотревшись можно было различить свисающие лески. – А что, старик своего красного коршуна продал? Мне не захотел загнать.

– Нет, – бросил Дима через плечо. – Там перья полезли. Нужна реставрация.

– А-а...

Птицу Дима утрамбовал в мусорное ведро, а вот кабан вернулся на место сам. Охотник не знал, в каком часу Валера приедет за заказом, Петр Васильевич лишь оговорился, что сегодня. Ночь Дима потратил, чтобы смыть кровь с видных мест. Тело таксидермиста оттащил обратно в мастерскую и там запер. Не представлял, что с ним делать.

Постоянно хотелось протереть сухие, зудящие от недосыпа глаза. Дима толкнул дверь, пропуская Валеру вперед.

Лиса запуталась в колючей проволоке. Оцинкованные петли удавкой стянули рыжую шею. Валера даже не взглянул, прошел дальше.

– А это что?

Рысь сидела в распахнутой шкуре. В застывших глазах отражался лес.

– Это что, скальп? – Валера наклонился, брезгливо потрогал обрывок кожи в сжатой челюсти. Волосы слиплись и почернели от запекшейся крови. – Блин, как настоящий!

– Последняя работа. Ее тоже надо забрать.

Валера достал телефон и, обойдя рысь, сделал несколько фото.

– мех шикарный!

Дима сглотнул, вспоминая, как мыльным раствором вымывал густую шерсть от крови и крахмала. Кажется, успела подсохнуть.

– Но тело – это нечто! – продолжал Валера. – Мышцы, мясо... – так реалистично!

– Заберешь?

– Конечно! Наши извращенцы будут довольны. И чего Васильич молчал? Когда успел только, я на рысь заказ только недели две назад сбрасывал.

– Повезло. Я вовремя подсуетился. А уж Васильич поколдовал. – Дима отвернулся от скальпа, к горлу подступила жгучая жижа. Дважды за последние часы его рвало желчью, и даже коньяк не помогал избавиться от горечи во рту. – Когда... Когда клиенты их получают?

– Если все пойдет хорошо, через недельку будут на островах. У меня все схвачено. – Валера с серьезным видом поправил очки. – По деньгам, кстати, скажи Васильичу, всё по

старой схеме. Подсобишь в тачку закинуть, или у тебя руки?

Почему-то Дима не сомневался, что рысь доедет невредимой и гниение ее не коснется. Обесшкуренное мясо выглядело свежим даже спустя двенадцать часов.

– Нет-нет, все нормально. Я возьму рысь, она тяжелее. Каркас... новый.

Валера уже поднял лису, аккуратно, чтобы не пораниться о проволоку.

– И скажи деду, что он, как всегда, крут. Его чучела – это, конечно...

– Ага, – Дима кивнул. – Как живые.

Дима остановил машину у старенького деревянного забора, который давно не мешало бы подправить, а лучше отжалить денег на новый, железный, как у Петра Васильевича. Охотник заглушил мотор и посмотрел на руки. На бинтах проступили кровавые пятна.

Боли почему-то не было. Возможно, она осталась в том доме. Дима прислушался к себе: что еще он оставил там? И ничего не услышал.

«Всё».

Когда Валера уехал, Дима еще долго стоял под открытым небом, чувствуя, как хлопья снега лениво падают за воротник, покусывают холодком. Прислушивался. Илая нигде не было видно. Не верилось, что можно вот так вот стоять, что можно сесть в машину и выехать в открытые ворота. Мед-

ленно, едва касаясь руля большими руками.

И все-таки он уехал. Выбрался наконец из вечного леса. Те, кто веками дремлют в дубах и охраняют пушу, отпустили его.

Дима понимал, что, когда найдут тело Петра Васильевича, у милиции появятся к нему вопросы. Но думать об этом не было сил. Не сейчас.

Дима закрыл машину. Толкнул калитку и прошел во двор пошатываясь.

Старик вышел из дома, толкнув дверь плечом, в руках он нес железный таз. Медленно спустился с крыльца, высунув от усердия язык. Поднял голову и подслеповато уставился на Диму.

– Пап...

Старик наклонился и поставил таз, расплескав воду себе под ноги.

– Дима, Дима! – протянул он руки, совсем как Петр Васильевич не так давно протягивал свои, моля о помощи. – Родной, господи!

Дима подошел и обнял отца.

– Куда пропал? Не звонил! Я думал, сцапали тебя, охотничка.

«Как ему сказать про Илая?»

– Нет, отец, не сцапали. Выбрался.

Старик вытер губы, погрозил пальцем.

– Говорил тебе, добегаешься... – Подбородок его дрожал

каждый раз в минуты волнения.

– Воду куда нес? – устало спросил Дима.

– Так Илай! Молодец такой, сам прибежал. В кровище весь. Я уже извелся весь, думал, что стряслось. Без очков не вижу, его подрали или он кого, отмыть сначала...

Дима не слышал. В ушах звенела тишина, как тогда, на охоте. Илай вышел из-за дома, и на секунду показалось, что он вот-вот завилает хвостом и побежит лизать руки, что он прежний, все тот же комочек шерсти, которого они когда-то кормили из пипетки и который любил клянить сосиски, едва подрос.

Дима сжал зубы. Через калитку – к машине, открыть багажник, достать из чехла ружье, зарядить... Слишком долго.

– Бать, – сказал Дима тихо. – Где карабин?

– Так это... – Старик замолчал, замер, всматриваясь в собаку. Понял. Старый охотник не потерял чуйку. – Висит, где и всегда.

– Возьми.

Дима сделал шаг вперед и в сторону, привлекая к себе внимание собаки, достал нож. Будет ли прок от стали? Боль вернулась в руку, но Дима даже обрадовался – боль слилась с деревянной рукояткой, стала оружием.

Илай залаял. Он то подходил, то отскакивал назад и прижимался к земле. Его неподвижные глаза блестели словно стеклянные. Запахло хвоей.

«Это еще не все, есть другие. Другие, понимаешь? –

вспомнил Дима, когда старик скрылся в дверном проеме. – А другие – это еще и мы. Охотник и тот, кто его всему научил».

Лес пришел за ними. У него нет хозяев, ему не нужна стража. И он сам никого не собирался охранять.

Только мстить.

Боль в руке с ножом вспыхнула ярче. Илай перестал лаять.

Человек и зверь прыгнули одновременно.

Ярослав Землянухин

Вороньё

Жарко. Хорошо растянуться в тени, отгоняя хвостом назойливых мух. Только редкий стук в зарослях у покосившегося столба электропередачи не дает уснуть. Лень идти и проверять, что там. В прошлый раз, когда я туда сунулся, основание столба было почти все изгрызено древоедами. Сами жуки плотной кишасцей массой облепили дерево, хруст их челюстей слился в монотонный гул. Гадко.

Воздух медленный, похожий на липкую пшеничную кашу, которую старуха Степанида выбрасывает вместе с объедками на задворках столовой. Над трассой колышется марево, через него продираются с ворчаньем редкие большегрузы. Они поднимают тучу пыли, в которой то появляется, то пропадает баннер над выездом «Спасибо, приезжайте к нам еще!».

Жарко. Мне лень даже дойти до очередной порции объедков. Зачем вылезать из спасительной тени?

Внучка Степаниды Ната выскальзывает из-за покосившихся дверей. Пробегая мимо, треплет меня по загривку – вытягиваюсь в истоме. Девочка засовывает мне в пасть печенку – спасибо, добрая душа. Печенька еще теплая и сладкая, с горчинкой имбиря, от которого в носу становится щекотно. Видно, Ната стащила ее из печи специально для меня.

Дети. Дети – добрые.

В конце весны ее вместе с младшим братом Михасем привез низкий тарахтящий драндулет. Громкая женщина выскочила из него на несколько минут, высадила детей и поспешила обратно. Драндулет исчез в пыли так же быстро, как и появился.

И кто ее надоумил притащить сюда детей? На придорожный пустырь посреди сухой безжизненной степи. Одноэтажная крытая шифером постройка – это закусочная Степаниды. Из удобств – уличный туалет, в который даже я побрезгую зайти. Есть еще сарайка с шанцевым инструментом, тут же приютилась моя будка. Спасибо, хоть на цепь не посадили. На краю пустыря поднимаются надгробия ржавеющих колонок – в лучшие времена тут была заправка, а сейчас лишь звенят провода вокруг.

Короче говоря, у нас мало общего с детским лагерем.

Степанида сразу пристроила девочку к работе. Предыдущая помощница – молчаливая Гуля – сбежала накануне от старухинового властного характера. А Михась в силу малого возраста оставлен в покое, он день напролет шатается по пустырю и ковыряет палкой в пыли. При ходьбе он переваливается, и это вызывает у меня улыбку. Немногие люди знают, что мы умеем улыбаться.

– Халесы собатька, – говорит Михась. И деловито хлопает меня по морде. Я не обижаюсь.

Дети добрые почти всегда.

Когда-то давным-давно были Ма, Па и Аля. Они были для меня целым миром, и другого мира я не знал.

Потом Па предложили работу. Где-то очень далеко-далеко, кажется за океаном. И все сразу засуетились, засобирались. И я суетился вместе с ними, радовался, что увижу океан, о котором много говорила Аля. Представлял, как бесконечное солнце искрится на гребнях набегающих волн, а я буду бежать по горящему золотом песку следом за нею.

Они посчитали, что я им не нужен. Совсем. Я стал им в тягость. Лучше бы усыпили. Но нет. Они сделали хуже. Они меня предали. Мир стал больше и страшнее, и в нем уже не было ни Ма, ни Па, ни Али.

В пыль падает ворона, выклевывает из земли крошки, косится на меня то одним глазом, то другим. Потом шагает к окну, за которым Степанида высказывает что-то единственному дальнебою, соблаздившемуся на ее «домашние обеды». О-о! Старухины домашние обеды – это отдельная песня. Многие водительские желудки храбро пали в сражении с жареной сельдью или комковатой манной кашей на прогорклом молоке. Но это не касается имбирного печенья. Ни капли. Печенье волшебное. Степанида готовит его в огромной печи, куда, наверное, могу не только я поместиться, но и Ната с Михасем. Когда-то именно печь и выпечка сделали закусочную знаменитой. Теперь же они – единственное, что осталось у старухи.

Ворона замирает. Неужели слушает? Конечно. Внима-

тельно слушает. Воробьи – умные птицы. Могут сесть втроем на дерево и полдня лыбиться на тебя, только перекаркиваются на своем, вороньем, а ведь они еще и по-человечьи могут. Не нравятся они мне. Умники вообще никому не нравятся.

Майская жара к вечеру спадает, небо темнеет. У меня ноют кости – это к дождю. Я прячусь в грубо сколоченной будке, где меня встречают остатки утреннего «пиршества» – недоеденная скумбрия. Она косится на меня мертвым взглядом, будто все еще жива. Я так и не смог заставить себя доесть ее.

Туча над нами стонет и готовится пролиться весенним дождем. Засыпаю. Мне снятся Ма, Па и Аля, они снятся каждую ночь. Сначала они рядом, а потом удаляются, становятся меньше и меньше. Обычно после этого я пробуждаюсь. Но на этот раз все по-другому. В сон приходит что-то чуждое – огромное, размером с целый мир. Низкий гул наполняет меня, зовет. Следую за ним. Бегу. Рядом со мной другие такие же – сжатые клубы злости, страха, обиды. Мелькают клыки, зубы, когти, клювы. С каждой минутой нас становится больше.

Мы кого-то преследуем. Я узнаю среди призрачных фигур Алю. Я очень зол. Мы набрасываемся на нее.

Меня будит страшный треск, потом звук медленного падения. Гавкаю – надо выполнять свои обязанности, – но в горле снова сухо, пасть болит, будто всю ночь скулил.

Под утро туча разрешается мелким назойливым дождем.

Оказалось, что ночью рухнул деревянный столб электропередачи. Тот самый, вокруг которого кишели древоеды. Он теперь похож на завалившуюся колонну в руинах греческого храма, на которой подобно хищным гарпиям расселись воробны. Смотрят. Коротко и резко переговариваются: кар-кар. Кажется, их стало больше.

Откуда я знаю про греческий храм и гарпий? Аля часто читала вслух книгу с большими картинками про Древнюю Грецию. Кстати, читать я умею тоже благодаря Але. Хотя, кроме «СпасибоПриезжайтеКНамЕщё», читать тут особо нечего, да и люди будут смотреть на меня странно, если я стану изучать выброшенный журнал, а не грызть кость в пыли. Уж лучше кость. Так спокойнее всем.

Степанида колдует со щитком, ощетинившимся проводом; потом колдует с дизелем, который в конце концов с рыком заводится. Отключения энергии в наших краях – обычное дело.

Наступает время завтрака, после которого Ната выносит обедки. Они дразнят мой нюх. Разве когда-то мне в голову могла прийти мысль, что я, породистый ретривер, буду питаться обедками у придорожной рыгаловки?! Даже сам запах этой незатейливой пищи будет мне казаться дивным! Немыслимо!

Неторопливо поднимаюсь, пока она соскребает яичные обжарки и кусочки колбасы со дна сковороды, но воробны опережают меня. Три птицы хлопают крыльями, пронзитель-

но кричат, вырывают из рук тару с объедками.

Инстинкты включаются во мне раньше, чем я успеваю осознать их. С лаем бросаюсь на ворон, перья летят черными брызгами, птицы взлетают.

Ната от неожиданности взвизгивает и шлепается на костлявый зад. Кажется, воробы целились не в еду, а ей в голову, поэтому она закрывается руками.

Усердно лаю на них. Это дает Нате время встать и скрыться в доме, засунув под мышку тазик.

Раньше воробы себе такого не позволяли. Распустил я их. Теперь точно не подпущу к объедкам. «Гарпии» возвращаются на поверженную колонну.

Доедаю яичницу с колбасой. Самое вкусное – сердцевина глазуньи – от падения растеклось в грязи, поэтому я довольствуюсь белком. Ладно, кому я вру? Он тоже восхитителен вперемежку с кружочками обжаренного колбасного сала.

Сурово поглядываю на «гарпий» и возвращаюсь на свое обычное место – рядом с будкой у стены сарая.

Прикрываю глаза, но заснуть не получается – гудит, зовет тот самый монотонный звук, от которого едва подрагивает земля. Люди не слышат его, слишком он для них низкий, но они начинают нервничать, и я чувствую, как тонкие фибры страха разбегаются от Степаниды, Наты и даже от маленького Михася. Мне тоже не по себе. К слову, после утреннего нападения ворон ни старуха, ни ее внуки без острой необходимости на улицу не высовываются. Вот только туалет на

улице, а не внутри закускойной.

На трассе сегодня подозрительно пусто, с утра ни одного посетителя, хотя обычно к завтраку уже сидит в закускойной пяток водителей и еще пара курит у входа.

Моросит мелкий дождь.

К полудню на пустырь, пердя и чихая двигателем, поворачивает старый грузовичок аварийной службы. Я это знаю, потому что так написано у него на двери. Наконец-то решили заняться упавшим столбом! Грузовичок останавливается. Оттуда вылезает озабоченный мужичок, волосы у него растрепаны, спецовка висит мешком на тщедушном теле. Опасливо оглядываясь, он направляется в дом. Я поднимаю уши, чтобы быть в курсе последних новостей.

А новости на этот раз необычные: в городе происходит что-то странное, напарник водителя оказался в больнице – его то ли заклевали птицы, то ли подрал дикий кабан, вышедший из леса. Водитель рассказывает много и очень путано. Они со Степанидой говорят о других нападениях, слухи о которых только-только просачиваются в новости. Это настораживает.

Закончив разговор, аварийщик – или кто он там – выходит и замирает, уставившись на «гарпий». Его кадык нервно дергается. В другой раз я бы его облаял для профилактики или даже отгаскал за штанину, но внутреннее собачье чувство подсказывает, что это сейчас ой как неуместно. Шаг за шагом человек приближается к столбу, а над лесом тем вре-

менем поднимается столб черного дыма.

Прищурившись, смотрю, как он приближается.

Дым повисает над человеком. Всё вокруг замирает. Словно в сердцевине этого столба вибрирует натянутая до предела пружина. А потом пружина лопаается. Дым рассыпается на множество ворон. Они в полном молчании обрушиваются на несчастного, который едва успевает закрыться руками.

Не скажу, что новоприбывший был мне приятен, но эти птицы куда более противны. Срываюсь с места и кидаюсь на них. На секунду черные бестии рассеиваются в стороны – это дает человеку время подняться, – но потом они возвращаются, и дым опять становится плотным, но на этот раз вокруг меня. От птичьих перьев трудно дышать. Удары крыльями и когтистыми лапами почти не ощущаются, а вот клювы, наоборот, бьют очень болезненно. Они не столько ударяют, сколько пытаются вырвать из меня куски мяса. Опрокидываю на землю тех, до кого могу дотянуться, еще парочку треплю зубами, но все равно их слишком много.

– Барон-мальчик, скорее сюда! – Это голос Наты.

Ненавижу эту кличку, в семье Али меня называли по-другому. Хотя это сейчас неважно!

– Барон, ко мне! – кричит девушка.

Несусь на голос. Сквозь мельтешащие черные туши вижу Нату, стоящую в дверном проеме. Отбрасываю еще несколько птиц, а потом совершаю затажной прыжок, которому бы позавидовала даже какая-нибудь борзая.

Пролетаю мимо Наты, мельком подмечаю, что ее руки усеяны мелкими царапинами. Тут же сверху меня припечатывает чье-то тело. Аварийщик! Его спецовка так продырявлена, что Степанида могла бы откидывать на нее макароны.

Он в шоке и бессмысленно оглядывается по сторонам, но, кажется, жив.

– Если бы не п-пес, – заикается водила, – они бы меня раззорвали.

Он тянется, чтобы погладить меня, – рычу. Не нужно мне твоих реверансов.

Ната врачует мои раны. Приятно, что она занялась вначале мною, а не покусанным аварийщиком, хотя ему тоже прилетело достаточно. Скулю от жгучих припарок, а потом расслабляюсь в нежных руках.

– Кароси собатка, – лопочет Михась и гладит меня по морде.

Стук по крыше. Сначала редкие удары падающих камней, потом они превращаются в мелкую дробь, словно начался град. Степанида вытаскивается на улицу, с высоты своего роста окидывает взглядом шифер на одноэтажной закусочной. Ее лицо вытягивается, и она юркает обратно, даром что неуклюжа.

– Там птицы, – произносит она медленно.

– И что птицы?! – Аварийщик мерит шагами комнату. – Там все время птицы!

Я скалюсь на него, и он шарахается в сторону.

Град то становится интенсивнее, то затихает на некоторое время. Через мутное окно закусочной я вижу ворон, которые пролетают над нами, цепкие когти держат камни.

– Птицы заваливают крышу камнями, – шепчет Степанида. – Шифер там старый, долго не выдержит.

– И чего вы ждете? – кричит аварийщик. – Звоните в службу спасения!

Ната, которая давно копается в мобильном телефоне, чуть не плача говорит:

– Я не могу дозвониться – там постоянно занято!

– И что мы им скажем? Что на нас напали воробы? – громыкает Степанида.

– А я говорил! Говорил, что птицы в городе людей клюют! – невпопад вставляет аварийщик.

– И сейчас они ломают нашу крышу. – Старуха заламывает руки.

– Знаете что?! – Аварийщик тычет пальцем почему-то в Нату. – Знаете что? Разбирайтесь с этим сами, а меня не втягивайте!

Он натягивает драную спецовку и намеревается дернуть ручку двери, но Степанида баррикадирует ее своим телом.

– Куда? – голосит она. – Заклюют! Не пущу!

– Успею! Пусти меня!

Он прорывается сквозь Степанидову оборону на улицу. До машины буквально десятков моих прыжков. Его сбивает с ног темный снаряд, обрушившийся с неба. Человек пытается

встать, и черный дым опускается на него, обволакивает. Я не слышу ни единого «кара», звук такой, будто булькает варево в кастрюле.

А потом воробны разлетаются.

Ната коротко всхлипывает и отворачивается, прикрыв рот рукой.

Степанида не шевелится, не отводит взгляд от того, что осталось от аварийщика.

А Михась... Хорошо, что Михась еще низкий и не может дотянуться до окна.

Мы уже давно сидим внутри закуской. К сожалению, я так и не научился мерить время. Если светло, то надо проснуться, если темно, то ложиться спать. Вот и предел моих представлений о времени. Всё просто. Размышления о Хроносе прерывает треск шифера. Он поддается птичьему напору. Все прислушиваются к звуку на крыше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.